

ЧЕКАН ДЛЯ ВОЕВОДЫ

АЛЕКСАНДР
ЗЕЛЕНСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Александр Григорьевич Зеленский

Чекан для воеводы (сборник)

Серия «Исторические приключения (Вече)»

Текст предоставлен издательством
Чекан для воеводы : роман, повести / Александр Зеленский: Вече;
Москва; 2011
ISBN 978-5-9533-5278-9

Аннотация

В новую книгу известного мастера жанра Александра Зеленского вошли три историко-приключенческих произведения.

Роман «Чекан для воеводы» рассказывает историю династии порубежных воевод Бориса и Михаила Шеиных. Старший Шеин защищал крепость Сокол в ходе Ливонской войны в конце XV века, а его сын в начале XVI века отстаивал независимость Руси от иноземцев в Смутное время, руководил обороной Смоленска.

Повесть «Наследство фельдмаршала» посвящена первому российскому фельдмаршалу графу Федору Головину. Это рассказ о том, какая интрига при дворе императрицы Елизаветы разыгралась в связи с установлением подлинных наследников знаменитого фельдмаршала.

Повесть «Авантюрьер» повествует о событиях, предшествовавших битве с турками при Чесме (1770). Главным героем захватывающей истории выступил «генерал-адмирал» Алексей Орлов – один из знаменитой пятерки братьев Орловых, прославившихся своими деяниями во времена правления императрицы Екатерины Второй.

Содержание

Часть первая. Огненный сокол	6
Глава 1. Соглядатаи	6
Глава 2. Тайный стговор	21
Глава 3. Королевские забавы	33
Глава 4. Конец переметчика	46
Глава 5. Штурм крепости	54
Глава 6. Последний бой воеводы	58
Глава 7. Планы меняются	66
Глава 8. Печаль и радость рядом ходят	77
Часть вторая. Вестник победы	79
Глава 1. Смертельные игры	79
Глава 2. Нити заговора	87
Глава 3. Годунов – брат Годунова	94
Глава 4. Дорога на Добрыничи	103
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Александр Зеленский

Чекан для воеводы

©Зеленский А.Г., 2011

©ООО «Издательский дом «Вече», 2011

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть первая. Огненный сокол

Глава 1. Соглядатаи

Сторожевой службы станичный голова Акинфий Сусалов был крут и на расправу скор. И все же, как это ни странно, станичники почитали за великую милость заполучить от бывалого жителя порубежья добрую оплеуху, поскольку знали, что горячность и отходчивость у начальника сторожи шли рука об руку неразлучной парой – бывалоча, даст в морду, а потом и наградит по-царски: от себя, любимого, последний штоф водки оторвет, а напрасно обиженному поставит от всей своей бобылей души.

Но ныне не то времечко было, чтобы глотку напрасно драть по пьяному делу да зенками без толку хлопать. Война на дворе. И ни какая-нибудь, а Ливонская, чтоб ей ни дна ни покрывки. А потому сидел станичный голова в земляном схроне под стволом могучего векового дуба и во все глаза следил за тремя неизвестными людишками, одетыми в польские кургузые жупаны да потертые лисьи шапки, пробиравшимися лесной тропой в направлении к пограничной крепости, носившей название гордой и зоркой птицы сокола.

Этих троих высмотрел самый молодой станичник из Сусаловской сторожи, звали которого Прошка Безверхий, недав-

но прибывший из Брянска на смену убиенному в одном из пограничных конфликтах с сопредельщиками седмицу назад Федору Волку. Так вот, этот-то Прошка прислал в станицу своего напарника Тимоху Рынду, чтобы тот все честно об-сказал про подозрительных людишек самому голове и привел того с подмогой к секретному схрону под этим дубом – место, которое неизвестные ну никак миновать не могли, если шли самой короткой дорогой к Соколу.

– Вообще-то мы с Прошкой пятерых вооруженных людей углядели, – на самое ухо Акинфию молвил Тимоха, примостившийся рядом в схроне. – Да только, видать, двое других из этой пятерки окольной дорогой к крепости поперли. Из-за этого, небось, Прошка и не кажет здесь носа до сих пор. За ними, небось, приглядывает со стороны...

– Ось да небось! – съязвил голова, не повышая голоса, чтобы не быть услышанным чужаками. – А вот я ему в рыло!.. Рано этот хмырь на себя такую ответственную обузу взвалил, как самовольное принятие решений. Здесь все решения принимаю только я!

– А что с этими будем учинять? – поинтересовался Тимоха, кивнув в сторону неизвестных людей, вышедших уже из лесу на поляну и теперь сторожко озиравшихся по сторонам.

– А этих, Тимоха, вязать треба! И чтоб не пикнули, пакостники! А затем на распрос к главному воеводе Шеину тягать. Сдается мне, не зря эти людишки здесь околачивают-

ся! Высматривают, вынюхивают...

– Вязать так вязать, – покладисто пробурчал Тимоха. – Мы с Сенькой да Булатом их быстро захомотаем...

Сказав так, Тимоха ужом выскользнул из схрона и, припустившись за стволом дуба в два обхвата, выглянул с другой стороны. Оттуда он подал рукой знак еще двоим служилым людям, укрывавшимся на другом краю поляны, куда как раз вышли неизвестные. После этого станичный голова и глазом не успел моргнуть, как его хлопцы набросились сзади на пришлых людей, вышибли из их рук кинжалы да стилеты и, повалив на землю, принялись умело вязать веревками по рукам и ногам.

– Откуда и куда путь держите? – поднявшись на ноги и приосанившись, спросил голова сторожи пленников.

– Пся крив! – услышал он в ответ от самого здоровенного пленника, обладавшего пышными черными усами, закрученными вверх.

– Не собачься! – Тимоха ударом сапога в бок несколько поубавил у усача гонору, добавив: – Не завирайся, когда с тобой говорит сам станичный голова!

– О, господин пулковник! – пролепетал второй пленник, косою да рябой детина, тоже не мелкого пошиба. – Мы очень рады такой приятной встрече. Мы готовы заплатить пану пулковнику столько, сколько он назначит, а потом любезно укажет нам верный путь к...

– Наш голова спроводит вашу честь и двух ваших «пши-

ателей» куда надо! – перебил второго поляка Булат Столетов – станичник, на счету которого была чертова уйма поверженных врагов.

– Мы просто-напросто заблудились в этом темном лесу... Мы добрые люди и никого не трогаем... – продолжал юлить второй пленник, стараясь незаметно развязать руки.

– Иногда и ложь бывает во спасение, да не в вашем случае, господя-панове, – ухмыльнулся главный станичник, привычно расчесав черную бороду на две половины. – А ты, Булатка, истинную правду сказал. Надо их в крепость свести. А потому зови сюда коноводов, пушай грузят всех троих на коней. А в крепости им спрос учинят по полной форме!

... Чего больше всего на свете не любил станичный голова, так это пребывать в больших и малых крепостях. А уж в стольные грады его трудно было заманить даже сладким калачом. Все казалось ему, что нечем дышать в этих огороженных каменными или деревянными стенами смрадных поселений. Совсем другое дело вольное житье где-нибудь на берегу лесной речушки без названия или озера, в котором плещутся на малиновой зорьке пудовые караси, а в станичном лагере горит костер, на треноге булькает вкусное вариво, от одного запаха которого даже сытый еще раз объестся. В таком месте и дышится легче, и никакой тебе начальственной указухи. Тут он сам всему голова и распорядитель пограничного уклада жизни.

И все же в последние годы, когда главным воеводой в

крепости Сокол был поставлен окольный Борис Васильевич Шеин, прибывший из самой первопрестольной, вольной жизни на здешней границе с Польским королевством как не бывало. Шеин требовал от станичного головы подробно-го доклада о делах на границе чуть ли не каждую седмицу, невзирая на церковные праздники. Конечно, тут он был в своем праве, потому-то Акинфий Сусалов и не перечил его прихотям, понимая, что и сам бы на его месте вел бы себя так же. Больше того, он всячески старался наладить станичную службу таким образом, чтобы главный воевода при случае замолвил бы доброе слово за старого служаку перед высокими чинами в окружении царя Иоанна Васильевича Грозного.

На этот раз кроме главного воеводы Сокола Шеина станичного голову Сусалова и его команду, привезших «языков» на допрос, встречал незнакомый Акинфию начальник. Это был толстый человек с жиденкой, нахально топорщившейся бороденкой клинышком, делавшей лицо азиатского типа еще более противным. По сравнению с ним главный воевода крепости казался малорослым мальчишкой, вызванным строгим отцом для битья за какие-то неведомые провинности.

– Это что?! Это кто?! – прорычал толстый начальник, аки лев могучий. – Почему связанные? Это кто, воры? – продолжал он чинить расспрос.

– Станичный голова сторожевой службы пленных доставил, – осторожно пояснил главный воевода, знавший околь-

ничего Афанасия Курбановича Щенятина, как одного из самых подлейших интриганов при царском дворе и потому не желавшего хоть чем-нибудь его разозлить.

– Как звать-величать голову? – сменив гнев на милость, спросил Щенятин.

– Акинфий Сусалов, ваша милость, – представился станичный голова, низко кланяясь строгому начальнику.

– Хорош! Ты-то, голова, мне и нужен. Я послан сюда самим государем нашим Иваном Васильевичем для выяснения дел порубежных. Как там польские паны на той стороне не слишком колобродят? Сейчас ведь ранняя весна и если его величество польский король Стефан Баторий сызнава пожелает нам каверзы чинить, то ныне для этого самое подходящее время.

– А вот мы пленных-то и поспрошаем, – сказал главный воевода. – Станичный голова вовремя «языков» привез...

– Пленных в застенки пока, а с головой мне отдельно переболвиться потребно, – распорядился Щенятин. – Давай-ка, голова, отойдем в сторонку...

– Как скажите, ваша милость, – перебросившись беспокойным взглядом с главным воеводой, ответил Акинфий, следуя за повернувшимся к нему спиной царским посланником.

Отойдя от ворот крепости, где и происходила встреча действующих лиц этой сцены, шагов на сто и присев на объемистое бревно, предназначенное для укрепления на крепост-

ной стене лафета большой пушки, Щенятин строго глянул снизу вверх стоявшего навытяжку перед ним Сусалова.

– Говори без утайки, кого в измене подозреваешь? Мне надо знать имена всех, невзирая на должности и чины.

– О таких не ведаю, – струхнув не в меру, пролепетал станичный голова, не боявшийся ни бога ни черта, но терявшийся перед большими чинами, как тот же школяр перед строгим ментором.

– А если поразмыслить? – настаивал Щенятин. – Ведь и среди твоих станичников, наверняка, найдутся людишки, которым не стоит верить. Лучше избавиться от них сейчас, прежде чем они переметнутся к врагу. Не верю я тем, кто всех вокруг себя только верными считает, не видя измены. Про князя Курбского слышал? Он главным воеводой в пограничном городке-крепости Дерпте или Юрьеве, если по нашему, значился. К нему сам великий государь наш благоволения имел, а что вышло? Сбежал княже! Продался ливонцам, аки тать последний... Так вот, голова, смотри в оба! Если кого-то заподозришь, сразу сообщи мне. Я тут буду три дня. Сейчас тебя не задерживаю, зная твою занятость там... – царский посланник небрежно махнул рукой в сторону леса. – Но чтобы на третий день прибыл сюда с отчетом о всех злоумышленниках. Или ты сам, голова, попадешь в опалу. Это я тебе, как Бог свят, обещаю!

Акинфий, сообразив, что ему не удастся поговорить со своим непосредственным начальником Шеиным, откланял-

ся и давай Бог ноги! Из крепостных ворот он выметнулся, как ошпаренный, нахлестывая коня плеткой изо всех сил. За ним поспешали сопровождавшие станичники. При этом Сусалов, как заведенный твердил себе под нос: «Ждала сова галку, а выждала палку» и «Ни праведнику венца, ни грешнику конца». А про себя думал о том, что сделать, чтобы больше не попадаться на глаза «дикому начальнику», как окрестил посланца царя станичный голова, переживший жуткие времена Малюты Скуратова и его «кромешников». И вот что он надумал: через три дня «дикий начальник» уйдет из Сокола, куда подальше, глядишь, и не придется станичному голове заниматься доносами на своих боевых побратимов...

* * *

Вечерние часы перед обычным обходом караулов на крепостных сооружениях главный воевода Сокола Шеин, сидя в своих не слишком шикарных апартаментах, состоявших из гостевой, там же и обеденной залы, рабочего кабинета и спальни, размышлял о том, как держать себя с вновь прибывшим посланником самого Грозного. Был тот известен ему своей неутомимостью в делах личного обогащения, хотя и без того имел от царских щедрот немало. В кормление ему отданы были помимо родовых поместий на Курской земле, еще и земли «украинные», в том числе и здесь, на Брянщи-

не. Видно, хорошо службу нес Щенятин, если даже в гиблые времена опричнины ничего не потерял, а только преумножил. Что же тут удивляться? Наш пострел везде поспел... Успел дворянский сын вовремя записаться в опричники, а когда те впали в немилость царскую, сам же первым покался принародно на Красной площади и самолично принялся рубить головы своим бывшим сотоварищам налево и направо. Такие, как он, нигде и никогда не пропадут. Умеют устраиваться. Вот чего воевода Шеин о себе сказать не мог.

Все дело в том, что Шеины вели свою родословную от самого Мишки Прушанина, прибывшего в господин Великий Новгород из Пруссии аж в тринадцатом столетии. А он, как говорилось в преданиях, особым чинопочтанием не отличался, вольнолюбив был не в меру и резал правду-матку всем и каждому. А на Руси такие долго не заживаются...

О том, где и при каких обстоятельствах сгинул Прушанин, об этом родовые грамотки умалчивали. Известно было только то, что после него осталось несколько сыновей, но в историю попал только Василька Морозов, по прозвищу Шея, который числился уже «в седьмом колене» от Прушанина. Этот самый Шея и положил начало московской дворянской фамилии. И было у него, как в сказках сказывается, три сына – Юрий, Василий да Иван. Все трое состояли на службе у молодого тогда Ивана Грозного. Потом Шеиных, как и многих тогда дворянчиков взяла в оборот опричнина. Кто не успел встать под штандарты недоброй памяти Малюты Скуратова,

тот опоздал, попав в опалу. Досталось и Шеиным, потерявшим в годы опричнины родовые поместья, чины и звания. Может, из-за всего этого и сам Борис – сын среднего брата Василия Шеина – не поднялся в чинах выше окольного, совсем чуть-чуть не дотянув до желаемого чина «боярина».

Будучи честным служакой, Борис Шеин старался плохо не думать о царствующем Иоанне, но это не значит, что он мог объяснить самому себе все его поступки. Взять, к примеру, ту же опричнину, о которой теперь царь-государь и слышать не желал. А ведь был незабвенный 1571 год (здесь и далее по новому стилю), когда к Москве подошло войско крымского хана Девлет-Гирея. И что? Опричники, способные только убивать да грабить беззащитных людей, не смогли противостоять татарской орде. Царь Иван тогда потихоньку убрался из стольного града, предоставив драться за Москву, своим слугам верным. А Девлет-Гирей на приступ не пошел, просто поджог посад, отчего огонь спалил не только весь город, но даже перекинулся через кремлевские стены на сам детинец. Москва сгорела быстро, а сам Девлет-Гирей объявил своим «фирманом», что сжег город в отместку за Казань, взятую до того войсками Грозного.

Но этого было мало. На следующий год Девлет-Гирей снова обрушил свои полчища на Москву. Да только на этот раз получил отпор от воеводы князя Михаила Ивановича Вортынского, чье войско наголову разбило Девлет-Гирееву орду на подступах к Москве – у села Молоди, что под Серпу-

ховом. И что же царь? Он за все отплатил князю Воротынскому полной мерой, приказав казнить его вместе с другими опричниками...

А уж то, что произошло в 1575 году, это Шеин вовсе отказывался понимать. А произошло вот что: Иоанн Васильевич провозгласил великим князем крещеного татарского хана Симеона Бекбулатовича, а себе оставил скромную роль Московского князя... Даже Бог возмутился такому деянию, напустив в ту пору на русские земли моровое поветрие.

А еще велась затяжная Ливонская война, начавшаяся в январе 1558 года, которая требовала все новых жертв и денег. И теперь в 1579 году этой войне все еще не было видно ни конца ни края. Сидя в крепости на границе с враждебной Речью Посполитой, Шеин это особенно хорошо сознавал. Но он совсем не жаждал вновь угодить в «царские враги», а Щенятин своими наветами мог ему это устроить запросто.

«Неужели близок закат Руси? Или это только закат царствующей династии Рюриковичей? Самому Иоанну Васильевичу еще и пятидесяти лет нет от роду, а он смотрится, как столетний старец... Что же дальше будет с Русью и со всеми нами?» – невольно задавался этими страшными вопросами главный воевода, от которых мурашки бегали по спине, но не находил на них ответа.

Естественно, что ни с кем подобными мыслями поделиться Шеин не мог без того, чтобы тут же не услышать сакраментальную фразу: «Слово и дело!» А там началось бы та-

кое, о чем лучше и не размышлять...

От тяжелых дум Шеина отвлекло легкое покашливание слуги Ферапонта, тихо вошедшего в кабинет господина.

– Чего тебе, Ферапоша? – спросил окольный, повернув вполборота голову к входным дверям, где стоял слуга.

– Вас домогается один из пленников, которых нынче доставил сюда господин станичный голова. Хочет важное слово молвить.

– Это кто же из троих? – вставая из-за стола, спросил Шеин.

– А тот, что двоих поляков сопровождал.

– Так он русский, что ли?.. Я ему самолично голову с плеч снесу за предательство...

– Он хочет важное слово молвить, – настойчиво настаивал слуга.

– Ладно, послушаем, что он там наговорит. Но только ежели врать начнет, то пускай на себя пеняет...

В подвальных казематах крепости царила полутьма, и даже колеблющийся свет от зажженных факелов не мог до конца рассеять здешний мрак.

Шеин, сопровождаемый слугой Ферапонтом и двумя стрельцами, вошел в один из сырых тухлых подвалов, где находился пленник – высокий худой мужик, заросший до самых глаз густой рыжей бородицей.

– Ты русский? – сразу спросил Шеин, как только переступил порог камеры.

– Русский, – обреченно склонил голову пленник. – Токмо у врагов я оказался не по своей воли... Да и не это сейчас самое важное, господин воевода!..

– А что ты считаешь важным? То, что сопровождал искомных наших врагов к крепости русской?! – побагровев от ярости, закричал Шеин.

– Я бы все одно от них ушел! Зарезал бы гадов, а сам к вам подался... – слезно запричитал пленник. – Я должен предупредить вас о большой силе, которую ведет на вас польский король Баторий. Его полчища в двух переходах от границы. А наша задача состояла в том, чтобы уточнить, какими силами располагают здешние крепости... Но и это не все! С нами находились еще двое поляков. Мы разделились на подходах к крепости. Те двое обязаны были проникнуть в самую крепость и снести тут с верным им человеком. Он взорвет крепостную стену в указанном ими месте, чем поможет полякам быстрее овладеть Соколом.

– Ты можешь указать переметчика? – быстро спросил Шеин, пристально глядя в глаза пленнику.

– Я не знаю его, – выдержав взгляд воеводы, ответил тот.

– Но я знаю другое, для взрыва он использует зелье, способное все тут разнести вдребезги. Это зелье придумал немецкий мастер Штольц, у которого я какое-то время находился в услужении. Это средство поляки называют «дьявольский наряд» и похваляются, что с его помощью возмут все крепости русские без большого труда... Этот самый

Штольц – любимец короля Батория. Король для своего фаворита ни денег, ни людей не жалеет. Доверяет ему и надеется на его «дьявольский наряд»...

Пленник собирался продолжать свой рассказ, который очень заинтересовал воеводу, но тут в камеру вбежал запыхавшийся ратник из ополчения, срочно вызвавший Шеина на крепостные стены.

– Обожди здесь, я с тобой еще не закончил... – произнес главный воевода, вновь обращаясь к пленнику. – Если правду сказал, то ничего тебе не будет, так и знай. Ты мне еще очень даже годишься...

Поднявшись на стены крепости, Шеин встретил посланца от соседней пограничной станицы, который доложил о том, что видел неподалеку от крепости польских гусар, пытавшихся перебраться через пограничную речку. Они искали брод.

Это сообщение заставило Шеина на время забыть о пленном. Необходимо было срочно готовиться к отражению возможного нападения противника. И главный воевода отдал приказ, который сразу все изменил в тихой и сонной до того крепости, подняв на ноги весь гарнизон, состоявший из трех сотен городских стрельцов и стольких же жителей самого города-крепости и его окрестностей, способных носить оружие.

Только к утру Шеин вспомнил о пленнике, с которым так и не закончил разговор. Но того, как оказалось, уже не бы-

ло в живых. Еще ночью царский посланник Щенятин по-своему распорядился жизнью пленных, казнив их собственноручно. А потом, услышав о приближении войск Стефана Батория, решил поскорее отъехать из крепости, пока враги полностью не окружили ее. Перед отъездом он клятвенно пообещал прислать в Сокол подкрепление из соседних поселений. После этого Щенятина только и видели...

Глава 2. Тайный сговор

Прошка Безверхий по пятам крался за двумя поляками, отделившимися от других несколько часов назад. Они обошли небольшое лесное озеро, миновали глубокий овраг, склоны которого густо поросли кустарником, а по его дну весело журчал ручеек, готовый превратиться через день-другой в полноводный быстрый поток, как только хорошенько пригреет весеннее солнышко и растопит темные слежавшиеся пласты снега в лесу. Затем они укрылись в молодом ельнике на самом краю леса, откуда просматривались потемневшие от времени стены крепости. Там они просидели до тех пор, пока окончательно не стемнело.

«Что это они задумали?» – вертелось в голове Проньки, семнадцатилетнего молодца, впервые оказавшегося в одиночестве сразу против двух матерых врагов. А то, что эти двое поляков были врагами, Прошка нисколько не сомневался.

И хотя в порубежной станице он отслужил всего-то четыре месяца, кое-чему успел научиться у своих старших товарищей. Особенно многое он перенял у одного из самых уважаемых станичников, Булата Столетова. Впрочем, сам Прошка, что называется, был тоже не лыком шит, с детства он всерьез занимался охотничьим промыслом. Его отец Василий по прозвищу Медведь, учил сына метко стрелять и из лука, и из огнестрельного оружия, владеть копьем и но-

жом, читать следы на земле, оставленные разным зверьем и, конечно, самым опасным «зверем в человеческом обличье», как говаривал отец. Отца убили два года назад эти самые люди-звери, пришедшие с сопредельной стороны. И с тех пор поклялся Прошка и даже крест на том целовал, что ни один враг не уйдет от него безнаказанно.

Поляки зашевелились в своем укрытии, когда полностью стемнело. Прошка не столько увидел, сколько услышал, что враги двинулись к крепостным сооружениям. «Пора и мне за вами вдогонку», – подумал он.

Скинув с себя длинную белую рубаху, помогавшую скрытно передвигаться по еще заснеженному лесу, он остался в одежде черного цвета, спрятав рубаху у приметного пня, уцелевшего от сгоревшей ели, в которую угодила молния. После этого он двинулся за врагами.

Прошка все правильно рассчитал: земля у крепостной стены успела очиститься от снега и в своей черной одежде станичник мог продвигаться незаметно, даже несмотря на то, что усилившийся ветер разогнал темные тучи и на небе засиял полный диск луны и залединились-захороводили звезды вокруг нее, облив своим туманным серебристым светом все на земле.

Поляки между тем тихо приблизились к самой стене и, хотя Прошка не спускал с них глаз, неожиданно куда-то исчезли, словно провалились в преисподнюю.

– Что за чертовщина?.. – пробурчал себе под нос станич-

ник. – Что же они невидимками обернулись, что ли? Прямо как в сказках бабки Пелагеи... Но в ее сказки я и в детстве не очень-то верил...

Подойдя поближе к тому месту, где исчезли поляки, он увидел довольно густой кустарник у самого подножья каменной стены. «Собачья роза, – припомнил название колючего кустарника Прошка, хорошо затвердивший уроки отца и бабки Пелагеи, рассказывавших ему о всякой травке, всяком кустике, произраставшем на родимой земле. – И где же тут можно спрятаться, хотел бы я знать?»

Он обошел кустарник кругом и обнаружил малозаметный лаз между кустарником и стеной. «Вот тебе на! – изумился станичник. – Как же его раньше-то никто не обнаружил?..»

Встав на колени, Прошка сначала просунул в лаз только голову, а потом, убедившись, что легко пролезет дальше, пополз вперед. Вскоре он очутился в подземном ходе, где пахло горелой паклей. «Все ясно, – сообразил Прошка. – Они здесь факелы разожгли и отправились напрямиком внутрь крепости. Хитрецы! Да только и я пойду вслед за вами. Просто так вы от меня не отвяжетесь...»

Ощупывая руками мокрые холодные стены подземелья, Прошка на полусогнутых ногах, поминутно приседая, стал передвигаться вперед и пробирался так до тех пор, пока не увидел впереди два колеблющихся огонька, исходящих от горящих факелов. Поляки чего-то выжидали у выхода. Но вот огни погасли, значит, оба вышли из подземелья.

Прошка переместился к выходу и осторожно выглянул наружу. Лаз выходил прямо во двор какого-то невзрачного деревянного строения. До того он был прикрыт двумя бревнами, рядом с которыми были разбросаны поленья дров.

Прошка, оглядевшись вокруг, снова увидел тех, за кем следил с самого утра. Двое поляков стояли у дверей дома и о чем-то оживленно беседовали с полуодетым мужиком, державшим в руке горящую свечу. Еще через мгновение мужик раболепно поклонился новоявленным гостям и, посторонившись, пропустил их в дом. Затем, оглядевшись, и не обнаружив ничего подозрительного, захлопнул за собой дверь.

«Подожду пока они отсюда не выйдут!» – твердо решил про себя Прошка, поудобнее устраиваясь рядом с поленицей дров у подозрительного дома.

Через минут двадцать из дома вышел одетый хозяин и быстро зашагал к выходу со двора. А еще через полчаса он вернулся назад, но не один, за ним шел какой-то важный офицер, чин которого Прошка разглядеть так и не смог.

«А дело становится все интереснее...» – подумалось ему.

* * *

...Стрелецкий сотник Федор Треплев мучился с похмелья. Весь прошлый день, свободный от служебных обязанностей, и всю последующую ночь он беспробудно пил с дружками в кабаке Кузьки Огорокова, отмечая именины своей пассии

по имени Гражина. Та была полячкой и жила в старинном местечке Хелм, расположенном на самой границе, куда время от времени сотник навещался, как бы по делам службы. Панна Гражина была вдовой, имела собственный дом на окраине городка, была белокура с высокой, привлекающей мужские взоры, грудью и не утоленной до конца жаждой большой любви, поскольку мужа она потеряла на первом году семейной жизни. Тот не вернулся из очередного похода на Русь, за что, любившая его до безумия Гражина, возненавидела всех «клятых москалей». Но для молодого статного стрелецкого сотника, постучавшегося однажды к ней в дом, Гражина сделала исключение, отдавшись ему прямо в прихожей без особых уговоров с его стороны. Правда, на это у нее была своя причина. И «причину» эту звали пан Збышек, который еще раньше предложил Гражине хорошие деньги за то, что она будет охмурять русских офицеров из ближних крепостей, передавая их затем в его руки.

А еще «начальные люди», как называли в стрелецком войске весь командный состав, начиная с головы (тысячного) и кончая сотниками, поднимали чарки за будущие успехи Треплева по службе, зная о том, что очень скоро его должны будут перевести в Московские полки. При этом сотник намекал: «Кое-кто желал бы видеть меня в самом Стремянном полку, при царской особе...» А ведь это была царская гвардия... Потому и выпили за это много раз.

Следующий день, проведенный на службе, сотник прому-

чился от головной боли и невозможной сухости во рту, поэтому он был несказанно рад, когда к нему на квартиру прибежал хозяин кабака Огороков и сообщил радостную весть о том, что в отдельных покоях его забегаловки уже стол ломится от яств и хмельных медов и за этим столом его ждут не дождутся двое близких друзей.

Насчет «близких друзей» сотник пропустил мимо ушей, а вот о «хмельных медах» услышал сразу и с большим удовольствием. Поэтому оделся он так быстро, как не одевался даже по сигналу боевой трубы, зовущей в поход.

В кабачке за столом, уставленном кружками с хмельным и деревянными блюдами с разнообразной закуской, сотника поджидали двое незнакомцев.

– Мы от пана Збышека, – произнес невысокий поляк с глубоким шрамом на левой щеке, подливая водки в опустевший стаканчик сотника. При этом он незаметно сыпанул туда щепотку какого-то порошка, который сразу растворился в водке без следа.

– Не знаю никакого Збышека, – попробовал отпереться Федор от знакомства с «кузеном Збышеком», как называла его Гражина, но тут же прикусил язык, когда увидел, что второй поляк держит его на мушке длинной пистолы.

– Да нет же, панове, вы неправильно меня поняли, – сказал он, осушив и второй стаканчик с благодатным напитком.

– Я имел в виду, что...

– Пан сотник имел в виду, что мы должны были показать

ему вот эту вещицу, – лукаво улыбнулся человек со шрамом, отчего лицо его стало походить на волчий оскал. Сказав это, он поднес к самым глазам Федора перстень с черным камнем, на котором был выбит крест.

– Это совсем другое дело, – успокоился сотник. – Да, я знаком с паном Збышеком. Что он просил мне передать?

– Ничего особенного. Всего-навсего два маленьких горшочка, запечатанных воском...

– И все? – поразился сотник, у которого даже глаза округлились от удивления.

– И... кое-что еще, – ответил человек со шрамом. – Надо будет закопать эти горшочки в двух местах, где мы укажем...

– Нет ничего проще, панове! – воскликнул Треплев. – Но за это я хочу получить...

– Вы за это получите! – перебил второй поляк, у которого в руке вместо пистоля появился теперь кожаный мешочек со звонко позвякивающими монетами. – Получите чистым золотом!

– О! – снова не удержался от восклицания сотник, протягивая руку за деньгами. – Это мне очень нужно, поскольку я здорово задолжал в местных кабаках. Вот Кузька не даст соврать...

– Должен, – подтвердил хозяин кабака, стоявший в дверях и охранявший покой гостей. – Много должен!

– Расчет произведем сразу после выполнения поручения пана Збышека, – убирая деньги за свой пояс, сказал второй

поляк.

– Черт побери! – попробовал разыграть возмущение Треплев.

– Так мы не договаривались! Деньги мне были обещаны вперед. Это вам подтвердит даже пани Гражина, которая и познакомила меня с паном Збышеком...

– Обстоятельства изменились, золото вы получите только после выполнения задания, – твердо сказал человек со шрамом.

– Хорошо, – поморщившись, согласился сотник. – Где ваши дурацкие горшочки и куда их надо закопать?

Человек со шрамом осторожно вынул два маленьких, даже каких-то игрушечных горшочка, поставил на стол, а затем подвинул их поближе к Треплеву. Федор небрежно взял один из них, повертел перед собой, разглядывая со всех сторон, даже понюхал, но так ничего и не определив, резко со стуком поставил на стол. Больше всего в этот миг его поразило поведение поляков – один из них свалился со скамьи под стол, а второй – со шрамом – вскочил на ноги и еле сдержался, чтобы не сигануть в окно.

– Э... Эй!.. Пан сотник не понял!.. – переведя дыхание, заверещал человек со шрамом. – То есть бомбы! Очень сильные бомбы! Ими нельзя так глупо стучать по столу!..

– Хе! Бомбы... – недоверчиво хмыкнул Треплев. – Ну и хрен с ними, что они бомбы... Куда их прикажете бросить?

– Бросать не надо! – замахал сразу двумя руками человек

со шрамом. – Одну закопайте рядом с самой большой пушкой у главных ворот, а вторую положите под сторожевую воротную башню.

– Что, и это все?

– Не забудьте только распечатать восковые пробки перед закладкой, – наставительно пояснил второй поляк, уже вылезший из-под стола.

– Мы встретимся завтра, после того как все будет конечно, – сказал человек со шрамом. И оба поляка исчезли с глаз сотника, как будто их никогда и не было.

Сотник, забрав таинственные горшочки, вышел из кабака и медленно, спотыкаясь на каждом шагу, поплелся домой. И тут что-то произошло с небом, с землей, со всем на свете. Что это было? Страшный сон или непонятная явь?.. Треплев отлично помнил, что сперва с небес опустилась тяжелая беспросветная тьма, словно господь Бог сомкнул свое всевидящее око и на мгновение задремал. Потом, разозлившись на себя за слабость, ОН метнул молнию, расколов тьму на две половинки и ударил своим громом-посохом по небесному своду. Гром прогремел такой силы, что Федору почудилось будто стоит он прямо под самым большим колоколом на звоннице храма Ивана Великого, а перед ним – уже головой Московского стрелецкого приказа – вышагивают его воины в красных, желтых да голубых кафтанах с белой перевязью через плечо и блестящими на солнце пищалями и бердышами в руках.

Но тут, как назло, разверзлись хляби небесные, превратив в одно мгновение небрежно накинутый на плечи Федора форменный кафтан в мокрую тряпку. Но весь этот Божий гнев прошел мимо сознания Треплева, поскольку мыслями он был уже не в стольном граде, а совсем в ином месте, созерцая картину прекрасного пруда с белыми лилиями на зеркальной глади, а на его живописном берегу обнаженную панну такой красоты, что ни в сказке сказать, ни пером описать...

А обезумевшая явь все пыталась достучаться до сознания Федора новыми раскатами грома. Только бесполезно. Он стоял, не понимая, где находится, на том или все еще на этом свете. Ему даже поблазнилось, что он сам себе приснился и вся его жизнь лишь мотылек-однодневка, попавший в клюв ночной птицы.

Все эти видения были вызваны каким-то сильнодействующим наркотиком, добавленным в выпивку. На самом же деле над крепостью просто прогремела первая весенняя гроза, как и положено, с молниями, громом и проливным дождем.

Сам же сотник, все еще плохо соображая, что он делает, направился к крепостной воротной башне...

Действие наркотика стало ослабевать только часа через два. Что делал за все это время Федор Треплев? Хотел бы он сам это знать! Но в его памяти постепенно стали всплывать все его действия, которые он посчитал плодом пьяного воображения. По-настоящему «протрезвел» он только ран-

ним утром у своего дома. А окончательно восстановить память ему удалось только после покушения на его собственную жизнь.

А произошло это следующим образом. Какой-то человек со шрамом на лице подошел вплотную к Федору, проговорив:

– Ты сделал все правильно! Теперь получи расчет! Но вместо денег ты получишь вот это!..

Сотник увидел, что в руке человека со шрамом блеснуло узкое длинное лезвие, нацеленное ему в живот. В следующий миг Федор каким-то невероятным движением перехватил кисть правой руки злоумышленника и, резко крутанув ее, направил острие прямо в сердце своего несостоявшегося убийцы. Одного сильного удара хватило на то, чтобы человек со шрамом умер на месте, не издав даже стона. Но это был еще не конец...

Выстрел, раздавшийся в тот миг, когда труп первого врага упал к ногам сотника, заставил его быстро повернуть голову в ту сторону, откуда стреляли. Только после этого он почувствовал боль в левом ухе, мочку которого оторвала пуля. В нескольких саженях от себя он заметил второго убийцу, который отшвырнув разряженное оружие, целился в него из другой пистолы, точно такой же, как и первая. Но выстрелить вторично поляк не успел, кто-то другой, одетый во все черное, метко метнул в стрелка нож, воткнувшийся тому прямо в шею. Уронив из сразу ослабевших рук оружие, поляк

открыл рот, из которого пенной струей ударила алая кровь. Только после этого убитый враг опустился сперва на колени, а потом завалился навзничь, неудобно скорчившись на земле.

– Ты кто? – крикнул Федор тому, кто спас ему жизнь, но того уже и след простыл.

– Поблазнилось... – прошептал сотник. – Больше я не пью! – клятвенно пообещал самому себе Треплев и, переступив через труп врага, поплелся к дому...

Вот только как следует выспаться после всех ночных тревожений ему так и не удалось, поскольку в крепости сыграли боевую тревогу.

Глава 3. Королевские забавы

Стражник, опираясь на древко пики, дремал у повозки, в которой, крепко связанные, лежали двое русских пленников. Стражнику грезилось, что он находится в родном местечке Ополе на реке Одре, откуда совсем недавно отправился вместе со своим хозяином паном Тригубским в войско короля Стефана Батория.

Пан Тригубский год назад имел глупость жениться на красавице паненке из Вроцлава. Так вот эта самая панночка, ни дна ей ни покрышки, пустила по ветру все немалое состояние мужа. Но бедный пан Тригубский ничего не мог с собой поделаться, одаривая любимую супругу всем, что только могло прийти в ее хорошенькую головку. Захочется ей, бывало, новые роскошные платья, как у панны Вожликовой из соседского дома, пожалуйста! Захочется ей приобрести самые дорогие бриллианты, чтобы блистать на балу польских магнатов в том же Вроцлаве, опять же, получите, сколь душевненьке угодно!.. Но это же черт знает что! Езус Мария, даже противно...

И чем дальше, тем больше. Вознамерилась светлая пани показать свои прелести при королевском дворе. И что же? Опять пан Тригубский, как последний осел, повез ее в Варшаву. А там, сообразив, что все его богатства улетучились в мгновение ока, пообещал любимой женщине, что возродит

семейное благосостояние путем участия в походе на восточные земли, населенные сплошь разными иноверцами. Вот и всех своих слуг, кто только мог держать оружие в руках, пан Тригубский поставил в строй, сказав: «Все мы – дети Господа Бога! Все мы – подданные великого государя, являющегося наместником Господа Бога на земле. Это даже папа римский утверждает! А раз так, то мы все вместе разорим клятых москвитян! Не зря же король Стефан Баторий призывает нас, своих верных шляхтичей, под свою правую руку. И мы, все как один, встанем стеной!..»

Вспомнить, что дальше изволил говорить ясный пан, слуга так и не успел, поскольку в горло ему вонзилась короткая арбалетная стрела, и он ни о чем уже больше думать не мог...

А во временном военном лагере, размещенном на берегу небольшой пограничной речушки, собиралась тем временем вся польская знать, пожелавшая вместе со своим королем «прогуляться огнем и мечом по Руси Великой».

Сам король Стефан Баторий не выходил из своего цветастого шатра, подаренного каким-то мусульманским султаном. Его величество возлежал на мягких подушках, постанывая от болей в животе. Между стонами он то и дело проклинал своего главного виночерпия француза Ла Форта.

– Ты во всем виноват! – говорил «круль всея Речи Посполитой», стараясь придать собственным усам воинственное выражение, с каким обычно изображали его на портретах. – Почему ты не остановил меня после тринадцатой смены

блюдо? Злодей! Ты же знаешь, что я привык после тринадцатой смены передохнуть, приняв в уединении рвотный корень...

– Ваше величество так увлеклось паштетом из гусиной печени, что я не посмел... – лепетал француз, поминутно кланяясь и приседая.

– Перестань дергаться, как паяц, я этого терпеть не могу! – вскричал Баторий, запустив в виночерпия серебряным ковшом для мытья рук. – И позови сюда придворного лекаря. Видишь, как я страдаю?.. Ты еще здесь, несносный фигляр?!

Ловко поймав на лету ковш, виночерпий спрятал его за спину и, как ни в чем не бывало, сказал:

– Осмелюсь напомнить вашему величеству, что придворного лекаря по вашему приказу казнили за три дня до похода...

– Ах да! – тяжело вздохнул Баторий, но тут же озлобился еще больше, прокричав: – Негодные слуги! Вы до сих пор не подыскали достойной замены?!

– Как же, ваше величество, как же! Замена найдена и уже прибыла, – снова запрыгал на месте, как нетерпеливый козел, виночерпий. – И это, смею уверить, светило медицины ваши верные слуги выписали прямо из Парижа!

– Что?! Опять франк?! – взревел Баторий. – Вас и так при моем дворе больше, чем собак в моей псовой своре! Какого дьявола?..

– Не извольте беспокоиться, ваше величество, – закатив

глаза к небу, торжественно произнес Ла Форт. – Это сам мсье Делиже! Тот самый Делиже, который верой и правдой служил королю Франции Генриху Второму.

– Генрих Второй покинул этот мир девятнадцать лет назад, – скептически заметил Баторий. – Тогда ему не исполнилось и восемнадцати лет от роду. А как его хоронили, как хоронили! Бедняга Генрих! Его похоронил за свой счет дряхлый изгнанник, служивший еще Карлу Восьмому, которого звали, кажется... Ох, эти мне франкские имена!

– Таннегюи дю Шатель, – напомнил главный виночерпий польского короля. – В последний путь короля Генриха провожали всего два дворянина, незрячий епископ Санлисский да несколько верных слуг, среди которых находился и мэтр Делиже. Именно он, мэтр Делиже, ваше величество, определил, что король Франции был отравлен...

– Да?.. Это делает ему честь, – ехидно заметил Баторий, но тут же снова скрючился от боли. – Черт побери! Так может, и я отравлен, как мой брат король Генрих?.. Это ужасно! Скорее зови сюда нового лекаря. Я позволю ему себя осмотреть...

После визита мэтра Делиже и его целебных микстур королю Польши стало значительно лучше, и он даже соизволил вспомнить о том, что собирался этим утром повеселиться сам, а заодно развлечь своих знатных магнатов.

Король дважды хлопнул в ладоши, вызывая к себе распорядителя празднеств дворянина Стаса Порского, носившего

высокий придворный чин подचाшия.

– Все ли готово для казни тех врагов, что взяты в плен нашими доблестными гусарами при вчерашней разведке на том берегу реки? – поинтересовался он у подчашия.

– Все готово, ваше величество! – кивнул Порский.

– Так поезжай и привези пленных к месту казни. Я уже придумал, как их казнить. Каждого из них мы привяжем по отдельности к четверкам лошадей за руки и за ноги, а потом... Хоп! И наши лошади их четвертуют...

– Слушаюсь, ваше величество! – И подचाший исчез с глаз своего владыки.

А в это время у шатра короля собрались самые родовитые польские дворяне числом двенадцать. Все они занимали высокое положение в сборном войске Батория, состоявшее в основном из иностранных наемников. На их мужество и ратное мастерство король польский и возлагал большие надежды, собираясь в очередной поход на русскую землю. Потому-то король вышел к своим маршалкам, чтобы лично приветствовать и еще больше укрепить боевой дух, который и без того прямо так и рвался наружу из польских мундиров и доспехов.

При появлении короля все шляхтичи, как один, обнажили сабли и, подняв вверх, трижды ими отсалютовали, приветствуя таким образом своего самого главного военачальника.

– Мои верные рыцари! – начал свою речь Стефан Баторий.

– Завтра мы двинемся в поход, и вас ждут героические

подвиги во славу нашей католической церкви, всех ее святых и самого господя нашего Иисуса Христа. А сейчас я желаю, чтобы все вы немного развлеклись, посмотрев на то, как наши боевые кони разорвут на части двоих пленных, один из которых, как мне сказали, носит большой чин в русском войске – станичного головы.

– Вот эту «голову» и надо отделить от туловища! – пошутил пан Ястребовский, напомнив этим королю, что именно он во главе сотни гусар захватил пленных.

– Пан Ястребовский герой дня! Это он захватил станичного голову и его помощника, – сообщил всем король, обратив завистливое внимание других маршалков на своего ясновельможного соратника. – При захвате этих пленных была славная сеча. Пан Ястребовский потерял в бою с русскими станичниками половину своих гусар... Сейчас, ясные паны, привезут этих пленных и тогда мы сможем лицезреть муки этих недостойных защитников чуждой нам веры, в которой крестятся справа налево и молятся на раскрашенные доски, называя их иконами...

В этот момент к королю почтительно приблизился подचाший Порский и о чем-то тихо сказал Баторию.

– Панове, – озвучил известие король, – казнь немного задерживается из-за того, что до сих пор в лагерь не доставлены пленники, но... Нас желает развлечь герр Штольц! Тем, кто незнаком с герром Штольцем, сообщаю, что он взялся обеспечить наше славное воинство невиданным пушечным

зельем, обладающим большой разрушительной силой. Герр Штольц!..

Перед шляхтичами, как чертик из табакерки, выскочил лысый коротышка на кривых ножках, одетый в цветные одежды, хорошо гармонирующие с расцветкой королевского шатра. Этот человечек больше походил на странствующего актера, чем на серьезного изобретателя.

– Вот наше новое приобретение – мастер по созданию пушечного наряда! – объявил Баторий, представляя раскланивающегося во все стороны германца, в котором не было ничего величавого, гордого, что могло прийти по нраву спесивым польским дворянам, поэтому все они весьма небрежно поприветствовали «новое королевское приобретение». Уж эти ясновельможные паны превосходно знали, чем заканчивали многие королевские фавориты, состоявшие в основном из иностранцев-авантюристов. Обычно все они кончали плохо, при первом же неудовольствии государя оказываясь на эшафоте.

– Мы испытаем новое пороховое зелье на первой же крепостишке русских, – продолжал король. – Она носит название Сокол. Ну и ладно! Если мои доблестные шляхтичи сами не смогут взять крепостные стены Сокола с наскока, то я воспользуюсь изобретением герра Штольца. Но это только в том случае, если доблестные гусары пана Ястребовского и другие жолнежи не заключают эту «птаху»-крепость насмерть с первой попытки. Не так ли, пан Ястребовский?..

– Ваше величество! Для нас, высокородных польских рыцарей, нет ничего невозможного. А что касается герра Штольца... Германцы нам не указ. К тому же, заметьте, ваше величество, герра Штольца не приняли всерьез сами германцы. Его обвинили в колдовстве и изгнали из германских владений.

– Подождем, – сказал Баторий. – Завтрашнее сражение покажет, на что способен наш маленький Гансик и его пушечное зелье. А пока... Где же пленные? Сколько мы должны еще томиться в ожидании?..

К королю снова подбежал подचाший Порский, взволнованный до крайности.

– Что?! – выслушав его, вскричал король. – Как так сбежали?! Езус Мария! Это плохое начало для нашего похода...

– Что случилось, ваше королевское величество? – осмелился задать вопрос пан Ястребовский.

– Обоих русских пленных отбил большой казачий отряд, – пояснил король и тут же гневно воскликнул: – Я повелеваю, немедленно наказать всех виновных!..

– Они уже достаточно наказаны, ваше величество, – дерзко ответил подचाший. – Все, кто охранял пленных, перебиты казаками.

– Подробности! – потребовали шляхтичи.

– Пленных отбили перед тем, как их повезли в наш лагерь, – рассказал Стас Порский. – И особо злодейничал там некий казак по имени Булат. Он насмерть зарубил пятерых

стражников, а пану полковнику Студенецкому прострелил голову. Он вот-вот кончится...

– Это плохое предзнаменование в самом начале похода, – повторил Баторий, который страдал от излишнего суеверия.

– Ничего, ваше величество, – постарался успокоить короля пан Ястребовский. – В завтрашнем сражении мы докажем, что первая неудача станет последней и мы заставим этих схизматиков умыться кровью!

– Приказываю готовиться к походу! – повелительно произнес король. – Мы выступаем с первыми лучами солнца. Пусть враг трепещет! – А в конце краткой зажигательной речи он добавил: – Вот там-то мы и позабавимся...

* * *

Ганс Штольц не мог в эту ночь заснуть, как ни старался. Ворочаясь на жесткой походной постели, сделанной еще Германом Штольцем – его отцом – Ганс злобно размышлял о том, как завтра он сумеет поставить на место всю эту польскую сволочь, а особенно пана Ястребовского, который так унизил его достоинство перед королем. «Но ничего, ничего, – говорил самому себе Ганс, – все вы, ничтожные дворянчики, возвысившиеся только благодаря своему высокородию, еще будете заискивать передо мной, искать моего покровительства. Будет время, когда я посмеюсь над вашими спесивостью и гонором. Да, мне самому пришлось проби-

ваться в этой непростой жизни, добиваясь признания у сильных мира сего своих гениальных способностей в области химических наук, которые бы ровным счетом ничего не стоили без финансовой поддержки со стороны. Так что ж с того! Я знаю и умею делать то, о чем все эти дворянчики даже мечтать не могут. И завтра они в этом убедятся...»

Затем Гансу припомнился отец, лежащий на смертном одре. Умирая, он молвил: «Я вспомнил! Этот кабак назывался “Осетровский бок”. Запомни, сын, хорошенько!..» И это были его последние слова. Отца не стало. Но после этого Ганс часто сидел в тиши своей лаборатории, припоминая каждое слово отца с тех пор, как его привезли израненного и изможденного из самого последнего его торгового вояжа в дальние страны.

Дело в том, что Герман Штольц являлся удачливым negociантом, сумевшим скопить на своих торговых операциях солидный капитал. Но ученые занятия сына стоили слишком дорого и поэтому мошна Штольца-старшего довольно быстро истощилась. Отец даже попенял на это сыну, сказав: «Твоя сестра Гретхен вместе с приданным, отданным мною за нее ее мужу аптекарю герру Норду, обошлась мне куда дешевле, чем я потратил на твое обучение в Гейдельбергском университете и на создание твоей лаборатории. Так я могу лишиться всего нажитого капитала...»

Чтобы поправить свои дела, Герман Штольц вместе с другими negociантами в складчину зафрахтовал корабль и, на-

полнив его всяческими товарами, отплыл в дальние страны. Вернулся он, как уже упоминалось, израненным и без средств. Тогда-то он и поведал сыну печальную историю о том, как их корабль взяло на abordаж пиратское судно, как самого Германа продали в рабство к арабскому султану, и как он сумел бежать с несколькими товарищами по несчастью. Потом все они долго скитались по смертельно опасной пустыне. Там-то отец и нашел «камень первозданного огня», которому поклонялись немногочисленные аборигены, знавшие об его уникальных свойствах. Этот таинственный камень после измельчения в порошок приобретал страшную разрушительную силу. Он порождал священный огонь, который воспламенял даже камни и затухал только тогда, когда одна волна огня встречалась с другой, вызывая страшной силы взрыв...

– Я хранил этот «камень первозданного огня», как зеницу ока, – рассказывал отец. – Не расставался с ним ни днем ни ночью, зная, что ты, мой сын, сумеешь изучить его свойства и найти ему достойное применение в создании нового оружия. Так продолжалось до тех пор, пока я не оказался в заснеженной Московии. Там на нас, торговых гостей, снова напали разбойники, обобравшие нас до нитки. Поскольку у меня взять было нечего, то я отделался только ударом дубины по голове... Очнулся я в кабаке под названием «Жареный каплун». Хозяин этого заведения подобрал меня на большой дороге, собираясь сделать из меня слугу, если я вы-

живу. Он держал меня в холодном погребе, где хранились съестные припасы и бочки с медовухой, которая оказалась столь целительной, что уже через десять дней я почувствовал себя довольно сносно. Однако я даже вида не подал, что мне лучше, зная подлый нрав кабатчика, который сразу бы нагрузил меня самой грязной и непосильной работой... Однажды ему надоело ждать, он спустился в погреб и, попинав меня ногами, приказал своим слугам выкинуть меня на ту же дорогу, где и подобрал, но сперва тщательно обыскал все мои более чем скромные пожитки. Тогда-то я и порадовался, что успел закопать «камень первозданного огня» в землю в самом дальнем конце погреба, где стояли бочки с солениями... Как я после всего этого добрался до родного дома? Лучше и не спрашивай. Мне помогли дорогие наши соотечественники, возвращавшиеся после службы у царя Иоанна Васильевича на родину. Они-то и доставили меня до самого порога нашего дома. Но меня очень беспокоит судьба того священного камня диких пустынников! Он все еще лежит в том же придорожном кабаке, дожидаясь того, кто отыщет, а затем раскроет все его тайны. Поверь мне, старому пройдохе Герману, такой человек сможет сильно обогатиться... А кабак находится в городке Соколихино... Или Соколово... Или Сокол... Честное слово, я не запомнил точного названия, поскольку пребывал в полубредовом состоянии. Помню только, что городок этот стоит на Брянской земле...

Так говорил отец, но перед самой смертью он вспомнил

точное название того кабака – «Осетровский бок». Да, именно так он назывался и это Ганс запомнил на всю жизнь.

«Значит, Сокол перед нами, – подумал Ганс Штольц, засыпая. – Завтра же я окажусь в этом городке, отыщу там корчму “Осетровский бок”, если, конечно, она там имеется, и тогда...» Что будет после, Ганс не додумал, поскольку его разум объял всепобеждающий сон.

Глава 4. Конец переметчика

Когда с двумя польскими лазутчиками было покончено, станичник Прошка Безверхий даже и не помыслил о том, чтобы бросить крепость Сокол на произвол судьбы. Он видел, что сделал стрелецкий сотник, имени которого не знал, прекрасно понял, действия его были каким-то образом связаны с появлением в городе-крепости врагов и направлены во вред Соколу, а потому просто обязан был предупредить обо всем главного воеводу. «А там уж, – думал Прошка, – пусть сами разбираются с подлым предателем-переметчиком, а мое дело – сторона. Я уйду к своим станичникам. Голова Сусалов итак, поди, злобится на меня за то, что не подаю о себе вестей...»

Проникнуть к главному воеводе Сокола оказалось не так-то просто. Приземистое одноэтажное сооружение, находившееся рядом с центральным крепостным бастионом, неусыпно охранялось днем и ночью. Именно там находилась штаб-квартира главного воеводы Шеина.

Облазив всю прилегающую к дому территорию, Прошка совсем уж было отчаялся повидаться с полновластным хозяином Сокола, поскольку пробраться незамеченным мимо глазастых стрельцов было слишком трудно. Тогда он решил действовать в открытую и обратился к тому из служилых людей, кто менял часовых на постах. Это был стрелецкий де-

сятник Петро Малой – толстощекий крепыш с седой бородой, хорошо знавший свою службу и потому посчитавший просьбу «сопливого станичника» о встрече с самим грозным воеводой вредной блажью и ничем большим.

– Службы не ведаешь, молокосос! Как это можно, взять и явиться пред очи нашего батюшки воеводы без его на то ведома и доброй воли?.. Совсем от рук отбилась молодежь! Так и норовит поперед батьки в пекло! И не думай, и не мечтай. Все должно делать, как требуется. Ты сперва обо всех своих глупостях голове Сусалову доложи, а тот, будет на то крайняя нужда, снесется с помощниками воеводы. Уж голова-то знает, с кем надо снестись в таких случаях... А сам даже не мечтай!.. Эй, станичник, ты где?.. Вот, дьяволенок, исчез, как нечистая сила после крестного знаменья...

Прошка в самом деле постарался ускользнуть с глаз зануды-десятника, воспользовавшись тем, что тот чуть отвлекся на своих сторожей. Устав слушать поучения старого стрельца, станичник спрятался от него за башенкой бастиона, а затем смело сиганул с верхней площадки вниз, угодив в крохотный садик заднего двора дома Шеина. Но скрыться совсем там ему не удалось. К своему несчастью, или наоборот, оказавшись внизу, Прошка нечаянно толкнул слугу Ферапонта, который копался в маленьком огорожке – его любимом месте.

Так вот, от неожиданности Ферапонт даже голос потерял. – Вор!.. просипел он, хватая Прошку за пояс. – Держи во-

ра...

– Дядя Ферапонт?! – удивленно воскликнул Прошка, распознавший в своем поимщике человека, с которым познакомился этой зимой на городском торжище, где покупал для станичников необходимые пожитки.

– Ге! Ты кто, такой прыткий, будешь? – не признал его Ферапонт.

– «Поетчи горшку ехать в дорогу», – произнес Прошка и тихо рассмеялся.

Тут только до Ферапонта дошло, кто перед ним стоит.

– Ха, Прошка! Сукин сын! – обрадовался он. – Запомнил, стало быть, мою присказку?

– А то? Я как сейчас помню круглую рожу того прижимистого купца-татарина, с которым мы с тобой шутку учинили, заставив его уступить свой товар за бесценок.

– Помню и я, – заулыбался Ферапонт. – Ты тогда прикинулся болящим. Тряска тебя одолела и ты хватался руками то за упряжь, то за сбрую, а я на вопрос татарина: «Что это за больной?», – ответил: что у тебя страшная зараза, от которой всяк человек становится дурак-дураком, а в конце концов и вовсе сдыхает... Ха! И этот дуралей поверил!.. А потом мы с тобой обмыли покупки в кабаке Кузьки Огорокова. Вот тогда-то, вставая из-за стола, я и изрек свою любимую присловицу: «Поетчи горшку ехать в дорогу». А ты, значит, запомнил? Молодца...

– Нам в стороже та татарская упряжь сгодилась, – сказал

Прошка. – Но сейчас, дядя Ферапонт, меня другое тревожит.

– Выкладывай!

– Надо мне повидаться с главным воеводой Шеиным...

– Эва! Зачем он тебе понадобился? – спросил Ферапонт.

– Ну, как же!..

И Прошка, как на духу, выложил знакомцу все, о чем хотел рассказать только самому воеводе.

– Ну, брат, дело серьезное, – внимательно выслушав станичника, проговорил Ферапонт. – Тебе повезло, ведь я служу у батюшки воеводы. И все, как есть, ему перескажу о твоём сотнике-переметчике и двоих поляках.

– Только не тяни. Тут дело важное...

– Не бойся, станичник! Мы это дело быстро справим. Пойдем-ка со мной...

– Да меня не пуцают!

– Со мной пустят, – заверил Ферапонт.

Воевода Шеин только-только закончил писать послание к любимой своей супруге Евдокии Никитичне, когда услышал скрип приоткрываемых дверей.

– Кто там? Ты Ферапонт? – спросил Борис Васильевич.

– Я, батюшка, – ответил верный слуга, заходя в кабинет.

– Видишь это письмо? Его надобно будет всенепременно передать моей жене. Это важно, Ферапонт. Если со мной что-то случится, ты должен будешь любыми путями донести это послание. В нем мои завещательные распоряжения и просьба, чтобы... – Главный воевода немного помолчал, еще

раз посмотрев на преданного слугу, потом продолжил: – Ты знаешь, что моя жена на сносях. Седьмой месяц она, голу-бушка, носит под сердцем моего ребенка. Завещаю я ей родить сына и воспитать из него славного воина – защитника границ Отечества. Понял?

– Как не понять, батюшка, – ответил Ферапонт, незаметно смахивая набежавшую слезу.

– Письмо будет лежать в этой шкатулке. Запомни!

– Запомню, батюшка. Да ведь я к тебе с вестью о вскрытом злодействе...

– Говори! – сразу посуровев лицом, произнес главный воевода.

– Один из наших стрелецких сотников замечен в тайных сношениях с врагами...

* * *

...Прошка, переминаясь с ноги на ногу, стоял перед закрытыми дверями воеводского кабинета. Ему еще никогда не доводилось говорить с такими важными людьми, как окольный Шеин, и потому он немного трусил, хотя прекрасно понимал, что от его сообщения зависит разоблачение тайного врага в боевом стане.

И вот Прошка дождался: двери кабинета распахнулись и на пороге появился начальник всей крепости и всех окрестных сторож воевода Шеин. Он был хмур и сосредоточен,

светлое его лицо, украшенное ухоженными бородой и усами, подергивалось от скрытой ярости.

– Ты сотника выследил? – прямо спросил Прошку Шеин, не любивший околичностей с подчиненными ему людьми.

– Я, ваша милость, – вытянувшись в струнку, ответил станичник.

– Пойдешь со мной и укажешь на того сотника! Я распоряжусь, чтобы всех стрельцов выстроили перед нами...

Подобного Прошка никак не ожидал. Он, простой станичник, шел рядом с самым главным воеводой и напряженно вглядывался в бородатые и безусые лица стрельцов, стоявших в строю, разделенном на десятки и сотни. Но знакомого лица предателя все не находил. Его даже в пот бросило от мысли, что его сочтут за вруна и скрытого врага.

– Сотника в строю нет... – с дрожью в голосе произнес Прошка, отводя взгляд от пытливых глаз Шеина.

– Кого из сотников нет в строю? – громко задал вопрос воевода.

– Сотник Треплев отдыхает после ночного дозора... – ответил кто-то из стрелецких десятников.

– Найти Треплева и сей же час доставить сюда! – приказал Шеин.

Через пять минут заспанный и злой Треплев уже стоял в строю и, ничего не соображая, взирал на главного воеводу и какого-то молодца рядом с ним, одетого во все черное. Неожиданно ему припомнился некто в черном, спасший

этой ночью его жизнь от покушения.

Прошка в свою очередь также признал сотника, о чем и сказал главному воеводе.

Шеин, не церемонясь, распорядился взять переметчика под стражу, а на его место временно назначил одного из пятидесятников, бывших ранее в подчинении у Треплева.

Однако сразу учинить допрос Федору Шеин не успел – враг атаковал крепостные сооружения у главных ворот. Впрочем, это был еще не штурм, а всего лишь разведка боем. Небольшой отряд польской пехоты пытался выяснить огневую мощь крепостной артиллерии. Поляков разогнали несколькими дружными залпами из пищалей.

Федор Треплев долго отпирался, убеждая Шеина, что ничего не знает и ни о каком заговоре не ведает. И только оказавшись подвешенным на дыбу, все вспомнил и покаялся, пообещав самолично изъять «окаянные горшочки с непотребным зельем» оттуда, куда он их зарыл.

И действительно, он удачно откопал первый горшочек из-под самой большой пушки, осторожно передав его воеводе. А вот второй горшочек просто так ему не поддался. Грянул оглушительный взрыв, разворотивший левую воротную башню до основания.

Он-то, этот взрыв, и стал сигналом к всеобщему штурму крепости поляками. Бой разгорелся нешуточный, и все же при этом воевода Шеин сумел сберечь первый горшочек с неизвестной взрывчаткой в целости, пообещав самому себе,

доставить этот опасный «приз» к царскому двору, чтобы там в Пушечном приказе смогли изучить это зелье, а может, и создать подобное. Но, как говорится, человек предполагает, а Господь Бог располагает. Впереди главного воеводу Шеина ожидало совершенно иное – сама Судьба теперь распорядилась его жизнью и смертью, а также жизнями и смертями многих защитников Сокола. А в роли Судьбы выступали теперь король Стефан Баторий и вся его королевская рать.

Глава 5. Штурм крепости

Ганс Штольц выбрал для себя удобное место для обзора – небольшая русская крепость, стоявшая в брянских лесах на высоком берегу озера, уже освободившегося от зимнего ледяного панциря, лежала перед ним, как на ладони. Отсюда были хорошо видны воротная башня с примыкающей частью крепостной стены и сами ворота. Вторая башня представляла собой после недавнего взрыва кучу мусора из раздробленных камней да кусков дерева, охваченных огнем.

– Сейчас ясновельможные паны бросятся на приступ этой твердыни, – напыщенно провозгласил Штольц, приняв королевскую позу. При этом он указывал в сторону Сокола обнаженной саблей, клинок которой был раза в полтора длиннее самого хозяина. Затем он добавил: – И... получают то, что заслужили!

– Так и будет, герр мастер, – поддакнул один из подмастерьев Штольца, прозванный за свои длинные мосластые ноги Генрихом-цаплей, который недавно отметил собственное двадцатипятилетие.

Другой подмастерье, носивший прозвище Толстый Фриц, только недоверчиво хмыкнул, засунув за щеку очередной леденец. Ему было всего восемнадцать и, как многие недалекие юнцы, он не верил более старшим и умудренным житейским опытом людям.

– Вот и наши ясновельможные глупцы! – указал подмастерьям на не засеянное еще хлебное поле возле крепости, по которому неспешно, словно на прогулке, продвигались отряды пана Тригубского и пана Яновецкого.

Со стороны Сокола не прозвучало ни единого выстрела. Крепость как будто затаилась, чтобы подпустить врага поближе и обрушить на него всю свою огневую мощь. На что Штольц заметил:

– А «птичка»-то оказалась не из пугливых. Ясновельможные думали всех напугать, но пока их никто не боится...

Но вот по крепостным стенам ударили польские пушки, только что переправленные через речку и установленные на холме, расположенном поблизости от Сокола. С первым же пушечным залпом королевская рать со всех ног бросилась на приступ крепости, заранее оглашая окрестности победным ревом, вырывавшемся из сотен луженых глоток.

И только теперь крепость скрылась за стеной порохового дыма от ответных выстрелов. Защитники били метко, но, казалось, ничто не может остановить разошедшихся вояк под королевскими штандартами. Ядра и пули валили наземь десятками разноязыких наемников, завербованных во многих странах западного мира, почитавших себя за крестоносцев, хотя времена крестовых походов давно уже канули в лету. Однако эти наемники, продавшиеся за иудины сребреники, так не считали...

В этот самый момент мастер Штольц и произнес свои про-

роческие слова в первый раз:

– На что того зла боле, чем дураку своя воля.

Ни Генрих-цапля, ни тем более Толстый Фриц даже не поняли глубины и точности слов своего патрона. Но когда увидели, как лесные люди, словно оборотни, объявились за спинами воинов короля Батория и дружно ударили по ним из пищалей да арбалетов, то были просто поражены. При этом лесные люди-оборотни знали в кого целить! От первых же выстрелов пали два королевских маршалка Тригубский и Ясновецкий. Все это вызвало дикую панику в рядах наемников, которые, поворотясь, дали деру от «нечисти из преисподней» на исходные позиции.

Третий же военачальник, пан Ястребовский, возглавил отряд гусар, которые с развевающимися на ветру крыльями, входившими в отличительные знаки этого вида польской конницы, понеслись на «оборотней». Но те не стали дожидаться, когда их посекут саблями лучшие польские всадники, они попросту исчезли с глаз, словно растворились в лесной чаще, из которой вышли. Но и гусары вернулись из-под сени столетних деревьев живыми и здоровыми далеко не все. Многих из них насмерть поразили неслышные арбалетные стрелы. Среди убитых был и сам пан Ястребовский.

Сразу, как только тело убитого маршалка вывезли из страшного леса гусары, мастер Штольц тихо повторил: «На что того зла боле, чем дураку своя воля».

– Что вы сказали, мастер? – переспросил старший из под-

мастерьев.

– Болван, я говорю, надо готовиться. Пришел и наш черед. Король вспомнит сейчас обо мне...

И снова Генрих-цапля подивился словам мастера Штольца, поскольку ровно через десять минут на возвышенность, где находился Штолец и вся его походная лаборатория, уместившаяся в крытой повозке, прискакал королевский посланец, привезший приказ вступить в сражение и «маленькому Гансику».

– Мне нужна самая большая пушка! – потребовал у посланца мастер Штолец.

– Вы ее получите, – заверил посланец короля.

– Тогда не будем тратить драгоценного времени, – произнес мастер. – Подмастерья, по коням! А повозку с пушечным нарядом я поведу сам... Пусть король увидит, как я первым же выстрелом сокрошу самую толстую стену этой крепости!..

Глава 6. Последний бой воеводы

Весь этот день воевода Шеин, не зная роздыху, провел в ратных трудах и заботах. Сразу после взрыва одной из воротных башен, во время которого погиб и сотник Треплев, он распорядился срочно укрепить ворота крепости. Но выполнить приказ удалось только после того, как была отбита атака польского воинства, чему, конечно же, немало поспособствовали станичники Акинфия Сусалова.

Пока укрепляли ворота, Шеин непрестанно думал о том, что предпримет король Баторий в следующий час. Опытный воевода отлично понимал, что враг постарается, воспользовавшись разрушением башни, как можно скорее ворваться в крепостные пределы. Но польские жолнежи почему-то медлили...

«Что же они задумали? – задавался одним и тем же вопросом главный воевода, окидывая зорким взглядом вражеский стан с крепостной стены. – А что это за суета на холме возле озера? Никак поляки решили там осадную батарею развернуть?.. Ишь прыткие какие! Хотят расстреливать нас со всеми возможными удобствами. Не бывать тому!»

Подозвав сотника Саблина, командовавшего городовыми стрельцами в этой части укреплений, приказал:

– Готовь своих людей для вылазки. Надо захватить те пушки, что тянут сейчас на холм бычьи упряжки. Ты их ви-

дишь, сотник?

– Как не видеть? Хорошо вижу, – браво отвечивал рос-
лый вояка, готовый прямо сейчас рвануться в бой.

– погоди, – придержал его шеин. – Сделаем таким мака-
ром: те пушки я беру на себя...

– Как можно? – перебил главного воеводу сотник саблин.

– Мы и сами справимся. Ваше же место в крепости...

– Сам знаю! – осадил сотника шеин. – Делай, как велят!

Ты с полусотней стрельцов атакуешь тех поляков, что охра-
няют подходы к холму. Этим ты отвлечешь их внимание.
А я с другой полусотней взберусь на холм и заклепаю им все
пушки. Вот так, сотник, исполняй приказ!

– слушаюсь! – отвечивал саблин и со всех ног кинулся
собирать своих бородачей, рассредоточенных по периметру
крепостных укреплений.

И все же пушки, на которые нацелился главный воево-
да сокола, выпалили чуть раньше, чем полусотня стрель-
цов взобралась на холм, пробиваясь через многочислен-
ный польский заслон, охранявший батарею со стороны озе-
ра. От этого залпа рухнула уцелевшая башня, а за ней и кре-
постные ворота.

– Ах ты!.. – выругался воевода, оглянувшись назад. –
Больше они не выстрелят... Бей прислугу, братцы! – вскри-
чал шеин. – Руби без пощады!

И вот на вершине холма завязался кровопролитный руко-
пашный бой прямо среди наведенных на крепость пушек.

Стрельцам помогло то, что они смогли близко подобраться к батарее и вслед за залпом пушек сами выстрелили из пищалей по артиллеристам, сильно поуменив их состав. Ну а потом уж бросились рубиться с остатками прислуги, пустив в ход бердыши да мечи, входившие, как и пищали, в их вооружение.

Сам Шеин оказался рядом с огромной пушкой, возле которой почему-то суетился один-единственный человек совсем маленького роста, черными всклокоченными волосенками на голове и с засученными рукавами пропотевшей нательной рубахи. В руках этого карлика находился зажженный факел, которым он собирался запалить короткий фитиль пушки. Для собственного удобства карлик даже взобрался на деревянную скамеечку, чтобы дотянуться до этого самого фитиля. Вот-вот должен был грянуть выстрел, но в этот момент откуда ни возьмись в руках воеводы оказался тот самый «горшочек», который он так и не успел отнести в штаб-квартиру. Не зная, что с ним делать, Шейнин покидал его из руки в руку, припоминая, какой урон крепости причинил собрат этого «горшочка», взорванный по неосторожности сотником Треплевым. «Эх, надо бы сохранить сие чудо-юдо заморское, да где там!» – успел подумать Шеин, которого окружили, подбегавшие со всех сторон враги, собираясь захватить его в плен.

– Возьмите это назад! Нам чужого не надо! – прокричал воевода и закинул «горшочек» прямо в орудийное жерло, а

тут пушка и выпалила...

Такого взрыва, уничтожившего все живое на холме и вокруг него, еще никто никогда не видывал и со стороны нападавших на крепость и со стороны оборонявшихся. Казалось, что холм раскололся на мелкие осколки, долетавшие до самых стен Сокола. Во всяком случае немногие свидетели, оставшиеся в живых после того взрыва, клялись и божились, что это сам дьявол поднялся из-под земли, чтобы утащить в ад грешников. По крайней мере, так рассказывали позже об этом Генрих-цапля и Толстый Фриц – подручные погибшего мастера Штольца, которых спасло только то, что они в момент взрыва оказались в обозе, откуда должны были доставить тяжеленный мешок с очередным секретным зарядом для чудо-пушки их господина.

Наблюдал тот взрыв и станичник Прошка, совсем было собравшийся покинуть крепость через известный ему подземный ход, чтобы присоединиться к «лесному сторожевому воинству», но геройская гибель главного воеводы напомнила ему о том, что Сокол теперь остался без начальника, а значит, враг вот-вот пойдет на последний, самый яростный приступ крепости. А раз так, то не пристало станичнику бросать порубежную твердыню на вражье поругание, не одобрили бы этого ни покойный отец Прошки, ни станичный голова Сусалов, ни его боевые побратимы-станичники. Потому-то Прошка Безверхий, подхватив тяжелую пищаль у убитого стрельца, зарядил ее и встал на крепостной стене рядом

с другими защитниками, отражая новую атаку королевского сброда.

Поляки же, растерявшиеся было после сильного взрыва, опамятовали и, подгоняемые руганью своих маршалков, ринулись на последний штурм крепости. Наиболее мощный удар они сосредоточили на самом слабом месте в обороне – зияющем воротном проеме и разбитых воротных башнях. Именно там они и смогли прорваться через укрепления, сделав это, как говорится, на плечах немногочисленных уцелевших стрельцов, участвовавших в вылазке.

Тут уж Прошка, отбросив ненужную теперь пищаль, ухватился за бердыш, валявшийся под ногами, и вместе с другими защитниками устремился в рукопашную схватку. Только на этом его везение и кончилось – попался ему очень сильный и умелый единоборщик – здоровенный француз-наемник с выбитым левым глазом, который прикрывала черная повязка, орудовавший прикладом мушкета, как дубиной. Так вот, получив тем прикладом по голове, Прошка бездыханным повалился наземь, не зная, на этом он свете или уже на том...

А бой еще долго не прекращался, вспыхивая то в одном, то в другом конце крепости – защитники Сокола не собирались сдаваться на милость врага и гибли с оружием в руках, стараясь продать свою жизнь за большую цену.

Прошка очнулся под вечер, когда уже смеркалось. Оглядевшись вокруг, он понял, что ни одного живого защитника

в крепости уже не осталось. Тогда он потихоньку отполз подальше от опасного места, которое просматривалось со всех сторон, и стал пробираться туда, где находился вход в подземелье. По дороге он наткнулся на какого-то человека, пытавшегося, как и он, укрыться в развалинах штаб-квартиры главного воеводы. Приняв по первоначальному неизвестного за вражеского солдата, занимавшегося мародерством, станичник собирался угостить его ударом кинжала, но в последний момент разглядел знакомое, насмерть перепуганное лицо Ферапонта – слуги Шеина.

– Ты, что ли, дядя Ферапонт? Лазаешь тут в неурочное время... – тихо сказал он.

– А то кто ж, – выдохнул Ферапонт, сразу признавший Прошку. – Ты, гляжу, живой остался? Бог тебя спас. А вот нашего хозяина Бориса Васильевича Шеина Бог прибрал. Царствие ему небесное!

– Знаю, – кивнул Прошка. – Я видел, как он поднял в воздух цельную польскую батарею. Геройский был у тебя хозяин.

– Ты, видать, больше моего знаешь. Стало быть, надо тебя с собой захватить для того, чтобы в точности исполнить последнюю волю нашего батюшки.

– Ладно, о его последней воле после расскажешь, – заторопился Прошка. – А сейчас нам с тобой самое время ноги уносить отсюда, пока не поздно.

– Вот и я про то, – согласился Ферапонт. – Ты, помнится,

говорил о каком-то подземном ходе из крепости?..

– Точно. Начинается он во дворе кабака Кузьмы Окорокова. Знаешь такого?

– Как не знать? Да только дом-то его вместе с кабаком сгорел до тла. Пожгли его вороги, я сам видел...

– Не беда, дядя Ферапонт, авось да небось выберемся. А это шкатулка, что у тебя в руках – все твои пожитки?

– Все. Пожитки наши жидки, – усмехнулся Ферапонт. – Успел из дома только эту шкатулку спасти перед тем, как ворвались к нам святотатцы и разбойники, чтобы грабить да жечь. В ней, Прошка, все теперь мое достояние. В ней, да вот в этом чекане. Топорик этот завсегда при воеводе был, как оберег. А вот в последнюю свою вылазку на врага не взял его воевода с собой. Так я тебе его дам, ты ведь с ним половчее справишься в случае чего...

– Чекан – это хорошо. Побьемся еще! А вот золото, брильянты в твоей шкатулке – это на том свете нам не понадобится, – усмехнулся Прошка, тут же приведя строки из Евангелия, которые часто повторял станичный голова Сусалов: – «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют, и где воры подкапывают и крадут».

– Нет, братец, здесь лежит куда большая для меня драгоценность – послание батюшки воеводы к нашей матушке Евдокии Никитичне. Нельзя даже помыслить, чтобы сие послание попало в лапы нечистого...

– Тихо! – неожиданно прервал Ферапонта Прошка. – Упо-

мянул нечистого, он тут как тут! Чертей во плоти целых пятеро...

Действительно, недалеко от беглецов прошли, гремя оружием, пятеро королевских наемников, все еще продолжавших рыскать по крепости в поисках живых защитников и хоть каких-нибудь ценностей.

– Пронесло, – переведа дух, перекрестился Ферапонт.

– Иди за мной и не отставай, – сказал Прошка, направляясь в ту сторону, где находилось кабацкое пепелище.

Через полчаса беглецы, воспользовавшись ночной темнотой, добрались до лесной опушки.

– Выбрались, – снова перекрестился Ферапонт, оглядываясь назад.

Вдали горел Сокол, освещая окрестности неверными отблесками пожаров.

– Как полыхает, – снова сказал Ферапонт, – будто погребальный костер...

– А вот и нет, – не согласился станичник. – Я вижу птицу сокола, которая превращается в сказочную птицу феникс. Гляди, как она огненными крылами машет! Вот-вот взвьется в небесную высь, чтобы навсегда остаться в памяти людей...

– Ну и выдумщик ты, Прошка! Такое придумать... А ведь и правда крылами машет, словно феникс...

Глава 7. Планы меняются

У короля Батория снова разболелся живот и потому его совершенно не обрадовал доклад маршалка Грифовского, возглавившего после гибели пана Ястребовского полк королевских гусар. А ведь в этом докладе говорилось о «блестящей победе над неприступной крепостью Сокол доблестных польских рыцарей».

– Точно так же мы возьмем на саблю самую Москву! – самоуверенно заявил пан Грифовский, у которого нос вместе с висячими усами очень напоминал клюв птицы-падальщика под названием гриф, которых король имел счастье видеть на рисунках, сделанных монахами-иезуитами в одной из римских католических библиотек.

– До Москвы еще далеко, – хмуро ответил король, – а живот у меня болит уже сейчас... Все вон! Позвать сюда эту франкскую бестию мэтра Делиже!

– Я уже здесь, ваше королевское величество, – поклонился Делиже, войдя в цветастый шатер монарха.

– Опять этот несносный Ла Форт не уследил за тем, чтобы я не переел за ужином. Это же очень вредно! Вот все вы такие франки, – попенял лекарю король Баторий. – Вам бы только деньги из моей казны хапать, да уплетать за обе щеки за моим столом...

– Ваше величество, выпейте эту чудодейственную микс-

туру, – наливая из пузырька в мензурку какое-то снадобье зеленого цвета, сказал Делиже.

– Сам пей! – потребовал Баторий, вспомнив о незавидной судьбе короля Франции Генриха Второго, подробности о похоронах которого совсем недавно поведал ему все тот же Ла Форт.

– Извольте, ваше величество, – снова поклонился лекарь. – Видите, я уже пью... Фу, ну и гадость! Простите, ваше величество! Это очень полезная микстура, настоенная на тринадцати травах, произрастающих на горных лугах.

– Ну, хорошо, – нехотя согласился король, принимая мензурку с микстурой из рук лекаря. – За здоровье короля Речи Посполитой! – сказал он и одним духом проглотил лекарство, после чего почмокал так, будто выпил драгоценное столетнее вино. – Вкус тонкий, хотя многовато горечи. Но в целом съедобно.

Через час король Стефан Баторий, отказавшись от завтрака, пожелал осмотреть «места боевой славы польского оружия». И первым делом пан Грифовский услужливо сопроводил его величество на холм, откуда еще вчера стреляла по Соколу орудийная батарея.

– Это все, что осталось от моей самой большой пушки? – поинтересовался король, с интересом разглядывая разорванное орудийное дуло.

– Здесь, на этом самом месте, произошло главное событие вчерашнего сражения, позволившего нашим славным вои-

нам взять эту неприступную крепость, – велеречиво пояснил пан Грифовский. – При этом погибло много солдат с той и с другой стороны. Потери уже подсчитываются. Но крепость Сокол, гарнизон которой осмелился противостоять вашим смелым солдатам, пала. И так будет с каждой крепостью, каждым городом, кто только попробует противиться вам, ваша королевское величество!

– Жаль пушки, – не слушая спич пана Грифовского, задумчиво произнес Стефан Баторий. – Вот и доверяй после этого наемникам... Если бы не этот чертов Гансик, большая пушка продолжала бы радовать меня и нагонять страх на всех врагов Польши. Кстати, что случилось с мастером Гансом Штольцем?

– От него не осталось мокрого места, – ответил пан Грифовский.

– Что вы говорите? Мокрого места?.. Ай-яй-яй, как жалко пушки!..

– Остались целыми подручные Штольца, – напомнил подचाший Порский, находившийся в свите короля.

– Опять несносные франки? – сделав кислую мину на физиономии, спросил Баторий.

– Германцы, ваше величество, – поклонился подचाший.

– А зачем нам подручные? Нам нужны мастера. Найдутся другие. Пока есть золото в моей казне, мастера всегда найдутся. Всех подручных вон! Так что там с нашими потерями?

– Убитых шестьсот восемьдесят два человека, раненых –

тысяча триста пятнадцать, – доложил пан Грифовский. – Это пока самые приблизительные подсчеты, ваше величество.

– Это много, – покачал головой король. – Это большие потери. Если за каждую крепостишку я буду платить такую огромную цену, то до Москвы доберемся только мы вдвоем с метром Делиже... Ха-ха-ха! – рассмеялся король противным дребезжающим голосом, которому вторила вся свита. – И то, если до этого я не познакомлю лекаря с палачом!.. Эй, кто там скачет на белом коне? На белом коне могу скакать только я! Скорее всего, это гонец, который собирается известить нас о подходе резервных сил из моего королевства...

Всадник в запыленной одежде, соскочивший со спины взмыленного жеребца, протиснулся сквозь свиту короля и низко поклонился Баторию.

– Я с дурными вестями, ваше величество, – сказал он. – Разрешите доложить.

– Нет, лучше отойдем подальше, а то тут кругом одни предатели, – король погрозил хлыстом своей свите.

Когда король и посланник спустились с холма, Баторий милостиво позволил вновь прибывшему говорить. Узнав, что никаких подкреплений в ближайшее время не прибудет из-за того, что на юге Речи Посполитой взбунтовалась чернь, Баторий впал в неистовство. Досталось от него и посланнику, и новому командиру гусар, и даже скромному подचाшию – всех их король «наградил» ударами своего хлыста. После чего, немного поостыв, он заявил во всеуслышание:

– Мои доблестные воины, одержавшие славную победу над русской крепостью, возвращаются назад. Мы должны покарать наших врагов внутри Польши. А в новый поход на Московию мы отправимся позже. Пускай москвиты трепещут в ожидании наших будущих блистательных побед!

С тем польское воинство и повернуло назад, покинув разграбленную и спаленную пограничную крепость, которая выполнила свое главное предназначение – насмерть стоять на защите земель русских. Сколько же их было таких вот крепостишек, по большей части канувших в лету неизвестными, отбивавших охоту у иноземных врагов «гулять по Руси Великой с огнем и мечом»! Много их было. Но все они остались безвестными, а вот скромный Сокол почему-то запомнился...

* * *

Генрих-цапля и Толстый Фриц, позабытые-позаброшенные, сидели в крытой повозке мастера Штольца и вели невеселую беседу о своей дальнейшей судьбе.

– Без нашего мастера мы полное ничтожество, – со слезами на глазах говорил Генрих-цапля. – Что мы можем? Чего мы стоим?

– Не трави душу, Генрих! И без того тошно, – тяжело вздыхал Толстый Фриц. – Придется нам теперь возвращаться в родной фатерлянд и забыть о золотых россыпях и славе.

Ничего, стану подмастерьем у магистратского кузнеца старины Фридриха, который давно меня к себе зазывал. А я занесся, возгордился, как же! Сам мастер Штольц дал мне работу...

– Нет, Фриц, – покачал головой Генрих. – Домой мы всегда успеем, а вот подороже продать секреты покойного Штольца – это в наших силах и возможностях.

– Да кому нужны те секреты? Одумайся, Генрих! Ты же видишь, король Баторий послал нас ко всем чертям. А ведь совсем недавно он к нам благоволил. Какое платье он подарил мне этой зимой! Если я заявлюсь в нем в родной городок, то сам бургомистр, не раздумывая, отдаст за меня единственную дочь Марту.

– Все это так, – почесывая плешь, задумчиво отвечал Генрих. – Но будет гораздо лучше, если ты заявишься к своему бургомистру с туго набитыми кошельками. Тогда уж Марта точно будет твоей. И мы эти деньги получим! Но для этого мы должны отыскать чертов «огненный камень», который спрятал отец мастера Штольца где-то здесь, в России.

– Ты с ума сошел, Генрих! – вскричал Фриц. – Где мы будем искать тот мифический камень? Может, его никогда и не существовало... К тому же Россия слишком большая страна для нас двоих. Это все равно, что искать иголку в стоге сена.

– Не скажи, – Генрих-цапля, по-птичьи склонив голову на бок, хитро улыбнулся. – Кое-что мне известно из того, что наш мастер хранил в строжайшем секрете. Однажды он, здо-

рово напившись, сам проговорился. «Камень огня» спрятан в кабаке «Осетровый бок», сказал он. И находится он в одном из русских селений, которые называются Сокол, Соколово или Соколихино...»

– Ну и что? – пожал плечами Фриц. – Вот он Сокол перед нами, догорает. И где тут «Осетровый бок»?

– Я кое-что разузнал. В Соколе был какой-то кабак, но он сгорел во время нашего штурма, а вот хозяин кабака остался невредим. Его захватил в плен один француз по фамилии Сенкур, изрядная бестия, но с ним можно договориться... Так вот, дорогой Фриц, ты должен ценить и почитать меня до конца своей жизни. Почему? Да потому что я нашел этого Сенкура и договорился, что он продаст нам этого русского кабатчика за твои тридцать золотых.

– Почему это за мои?! – вскипел Толстый Фриц, у которого от возмущения затряслись все его немалые жировые отложения в теле.

– Ты знаешь, что я теперь без денег. Последние крохи я отослал моей любимой Гретхен, у которой должен родиться очередной маленький Генрих-цапля...

– Ну, конечно! Меня всегда поражало то, как это твоя женушка рожает чуть ли не каждый год новых «цыплят», когда ее муж отсутствует дома уже больше трех лет...

На это Генрих не нашел, что ответить и только развел руками.

– Эй ты, пройдоха! Как там тебя? Генрих! Выходи, я при-

вел тебе своего пленника, – услышали подручные Штольца и тут же поспешили выскочить из крытого возка.

– Вот человек слова, – сказал Генрих, подходя к огромному французу без левого глаза и хлопая его по плечу. – Мы готовы купить твоего пленника. Ты просил тридцать золотых?..

– Ты знаешь, я продулся в кости этому негодяю Вольфу Живоглуту и потому мой пленник теперь подрост в цене, – сказал Сенкур, показывая на изможденного человека, которого предварительно привязал к дереву у повозки. – Так и быть, я уступлю вам его за сто золотых. Гоните деньги, господа!

– Мсье, вы рехнулись, – стал торговаться Генрих. – Посмотрите на этого хилого человека, который не стоит даже доброго плевка, не то, что таких денег.

– Ну, как желаете! Тогда я оставляю его себе.

Француз демонстративно повернулся спиной к германцам, собираясь уйти вместе с пленником, и в этом была его трагическая ошибка. Толстый Фриц, подняв с земли здоровенное полено, размахнулся и изо всех сил ударил наемника по башке, проговорив:

– Зачем тратиться на такие пустяки. Этот одноглазый тип должен радоваться, что я ударил его всего один раз. После второго раза его корыстная душа уже отправилась бы прямо в ад.

– Я не знал, что ты умеешь так славно бить, – деланно об-

радовался Генрих, обойдя вокруг лежавшего на земле Сенкура. – Ты его точно не убил? Нет? Ладно. Заберем этого русского и поскорее уберемся отсюда куда подальше, пока этот чертов француз не пришел в себя и не позвал на помощь своих дружков. Со всем полком королевских наемников не справиться даже тебе, мой дорогой Фриц...

* * *

...Кузьма Окорок, из-за которого разгорелись такие страсти, пришел в себе только часа через два, когда повозка подручных мастера Штольца была уже далеко от страшного Сенкура, ограбившего его кабачок и задавшую ему самому хорошую трепку, после которой Кузьма потерял несколько зубов и представление о том, где и с кем он находится. Только добрая порция шнапса, влитого ему в глотку Генрихом-цаплей, немного примирила его с действительностью.

– Где это я? – спросил кабатчик, удивленно тараща глаза на двоих германцев, подгонявших пару коней в упряжке.

– В раю, – усмехнулся Генрих, умевший изъясняться по-русски довольно сносно.

– Дайте еще выпить и я в это окончательно поверю, – попросил кабатчик.

– Потом, – пообещал Генрих, – сначала ты скажешь нам, как назывался твой кабак.

– Не помню, – помотав головой, проговорил Кузьма.

– Случайно не «Осетровский бок»?

– Очень может быть... Хотя нет! – засомневался кабатчик. – Дай выпить и я вспомню.

– Пей, черт с тобой! – передавая вторую фляжку со шнапсом кабатчику, произнес Генрих.

Выпив содержимое второй фляжки до последней капли, Кузьма благодарно икнул, а потом проговорил заплетающимся языком:

– Вспомнил! Мой кабаk никак не назывался. Да и зачем его называть, когда он был единственным в крепости... Ик!

– Я его убью, – тяжело вздохнув, сказал Генрих Фрицу на своем языке, чтобы кабатчик его не понял. – Это не тот, кто нам нужен.

А Кузьма продолжал размышлять вслух:

– Вы что-то спрашивали об «Осетровом боке»? Я знаю, где находится этот кабаk. Он гораздо хуже моего и приносит меньший барыш, но...

– Какого дьявола?! – взревел Генрих. – Ты знаешь, где находится «Осетровский бок»?!

– А то! – пьяно осклабился Огороков. – Он находится рядом с Соколово... Это все прямо и прямо, а потом направо. Я вам укажу дорогу... Вы такие хорошие люди! Погоняй! – крикнул Кузьма и упал на дно повозки. Его сморил пьяный сон.

– Кажется, мы не прогадали, дорогой друг! – обрадованно вскричал Генрих по-немецки. – Этот тот человек, который

нам нужен.

– Майн гот! – только и ответил Толстый Фриц, воздев очи долу и перекрестившись двоеперстно.

А Генрих-цапля подумал: «Соколово... Что же это получается? В этой стране все селения называются так же, как взятая поляками крепость?.. Право же, это не к добру!»

Глава 8. Печаль и радость рядом ходят

Евдокия Никитична рожала в сиреневую круговерть. Маялась она долго и мучительно, а разрешилась от бремени в одночасье, и в этом помогла ей многоопытная деревенская повитуха бабка Марфа – заезжим «иносранным кровопускателям» Евдокия Никитична не доверилась. Бабка Марфа, не послушавшись уговора дворовой челяди, прознавшей от возвернувшегося с порубежья Ферапонта о кончине батюшки Бориса Васильевича и теперь всячески остерегавшей повитуху сообщать о том роженице, все же поведала «бедолажке», как называла всех баб на сносях, сущую правду. Она даже «зачитала» мученице письмо мужа – последнее прости-прощай любимой жене, хотя и была неграмотной, просто слышала, как то послание читал вслух домоуправитель Епифан, и затвердила его наизусть.

Так вот, после этого письма матушка и опросталась, буквально в пять минут. И вышел у нее крупный такой мальчонка, копия своего батюшки, крикливый да непоседливый. А главное оба-два живые остались – и мать и дитя. Дал Господь счастье сразу после несчастья. Да такое ведь в жизни часто бывает.

Ну, а Мишаня, как называли богатыря, рос да рос и вырос наконец до любопытного ко всему божьему миру отро-

ка. Тогда-то и забегали-забеспокоились мальчонкины мамы да няньки, да и как не забегать, если заменил их всех скопом «отставной козы барабанщик» однорукий дядька Семен – солдат, дослужившийся в государеве воинстве до чина десятника, да вот под конец службы не уберегшийся от вражьей пули.

Наставлял Семен Мишаню так же, как учил стрелецкий молодняк в подчиненном десятке, поэтому воспитанник его довольно скоро овладел мечом да бердышом, а уж стрелял из пистолы так, что птицу влет сшибал. Молодчик был...

И потом, когда пришла пора применить воинскую науку в деле, во все дни взрослой жизни своей, Шеин «...исполнен был мужественным духом и часто вспоминал отважную смерть отца своего, павшего при взятии Сокола в царствование короля Стефана». Так-то вот! А знаете, кто оставил нам подобное свидетельство? Исконный враг гетман Жолкевский, проигравший главному воеводе Михаилу Шеину битву за Смоленск в 1609 году. А перед этим была другая битва с войсками Лжедмитрия Первого под Добрыничами, что совсем рядом с селением Соколово. Кровавое было сражение! Но об этом уже в следующей части.

Часть вторая. Вестник победы

Глава 1. Смертельные игры

Писарь по прозвищу Культяпый не в меру гордился тем, что считал себя человеком чрезвычайно хитрым и пронырливым, просто созданным для сбора «цветов удовольствий» в саду жизни, а все остальные людишки – это так, мошки мерзопакостные, которых можно прихлопнуть одной левой, и ничего за это не будет. Но в последние дни он несколько поумнел и даже стал опасаться за свое драгоценное здоровье. И все из-за треклятого головы сторожевой службы Прохора Безверхого, ни дна ему ни покрывки, который умудрился выследить его, удачливого писаря главного воеводы порубежной крепости Мценск, и, напугав до смерти, повел через него свою темную игру, смысла которой Культяпый не смог уразуметь до сей поры.

Вот и в это теплое утро ранней осени 1604 года от Рождества Христова Культяпый должен был встретиться со Страшным Татаринцом, как прозвал он крымчака-шпиона еще в первую их встречу, когда передавал этому нехристу поганому о том, что делалось в крепости и ее окрестностях под руководством старого воеводы окольного Гречишина, а теперь вот собирался донести и о делах нового воеводы окольного

ничего Михаила Шеина, прибывшего совсем недавно из самой Москвы. Но раньше за каждое сказанное слово Страшный Татарин отплачивал Культяпому золотом, а теперь что-то перестал, видно, понял, поганец, зачем платить, когда за то же самое можно и не платить вовсе. А может, догадываться стал, что Культяпый вместе с Безверхим водят татарскую хабаргири¹ за нос...

Крымчаки прискакали на взмыленных конях на то место у лесной речушки, где было заранее оговорено, там еще огромный дуб стоял, которому было больше ста лет. Татар прискакало около десятка, и все держались на конях так, словно на их спинах родились и выросли. Да так оно, по сути, и было. Не слезая с коней, крымчаки устроили вокруг Культяпого хоровод, помахали для остротки у него над головой плетками-камчами, а потом, разомкнув круг, впустили в него двоих начальников, уже спрыгнувших с коней. Один из них был Страшный Татарин, от холодных глаз которого Культяпого всегда бросало то в жар, то в холод. Такими глазами мог обладать только прирожденный убийца. Второго начальника писарь поначалу хорошенько и не разглядел, поскольку тот по самые уши закутался в кушак.

– Сколько сейчас воинов у твоего воеводы? – быстро спросил по-русски Страшный Татарин.

– Их стало на две сотни больше, – соврал Культяпый и при этом даже глазом не моргнул. – А на днях в крепость

¹ Хабаргири – разведка (*татар.*).

прибудет еще подкрепление из Тулы, а может, и из самой Москвы. Город наш важный...

– Пушки еще привезли? – снова спросил татарский лазутчик.

– Пока при своих, но будут новые...

– А ты не врешь, кафир? – засомневался Страшный Татарин. – Знаешь, что мы делаем с теми, кто смеет нам врать? Покажи, Качук!

Тут же один из всадников выхватил из мешка чью-то волосатую окровавленную голову и, как мячик, перебросил ее начальнику. Ловко поймав жуткий трофей, Страшный Татарин небрежно швырнул его под ноги Культяпого, которого затрясло как при лихоманке.

– Видишь? Твоя дурная голова тоже соскочет с плеч! Раз!..

Изверг выхватил кривую саблю и, взмахнув, вжикнул клинком над самой головой писаря, рухнувшего со страху на колени.

– Не убивай его, – приказал второй начальник, который говорил по-русски еще лучше первого. – Мы проверим каждое слово этого человека и заплатим столько, насколько его слова будут правдивы.

Культяпый благодарно глянул на незнакомца, рассмотрев при этом большое черное пятно на левой щеке, показавшееся из-за кушака.

– Пока живи, – позволил крымчак с черным пятном на

лице. – Наши люди тебя найдут, когда понадобится...

«На этот раз пронесло, – перевел дух Культяпый, наблюдая за тем, как татарские башибузуки скрываются за поворотом реки, текущей в сторону крепости. – А денег снова не дали, проклятые нехристи!..»

Но успокаиваться ему было рано. Через несколько мгновений его снова со всех сторон окружили всадники. На этот раз это были не татары, а станичники из сторожевой службы. Да только для Культяпого теперь было все едино – что свои, что чужие. Он был сам по себе и себе на уме.

– Александр был храбр, да от худого умре... – с болью в голосе произнес худощавый седовласый человек с опущенными книзу усами, бережно поднявший отсеченную человеческую голову. – Клянусь, друже, что крымчаки еще страшно поплатятся за твою погибель!

Передав голову одному из станичников, Прохор Безверхий, а это был он, обратил гневный взор на предателя Культяпого.

– Говори, пес смердячий, что поведали тебе наши враги крымчаки!

– Они будут проверять мои слова о подходе к крепости большой силы, – заискивающе заглядывая в глаза Безверхому, проговорил Культяпый.

– Не поверили тебе? И правильно. Я б такой собаке тоже не поверил, но амином беса не отбудешь. Будем уповать на помощь Господнею. А тебя, писарь, я передам в руки твоего

начальника Шеина. Пусть сам решает судьбу такой мрази, как ты...

«Значит, еще поживу, – удовлетворенно подумал Куляпый. – С молодым воеводой всегда можно договориться, ведь не даром ему обо мне распинался старый воевода, как о самом лучшем писаре во всем уезде. За это, правда, пришлось хорошо ему заплатить...»

* * *

Главный воевода порубежной крепости Мценск, стоявшей на опасном для Москвы татарском шляхе, взобрался на самую высокую башню и смотрел на пылающий шар заходящего солнца. Высокого роста, широкоплечий молодец двадцати пяти лет отроду с обветренным и загорелым лицом, выдававшим в нем служилого дворянина, проводившего большую часть жизни под открытым небом, внешне разительно отличался от нежных отпрысков благородных фамилий, получавших чины и звания в непосредственной близости от царской персоны.

Он смотрел вдаль, но видел не леса и поля, а ту картину, что рисовалась перед его внутренним взором. Он «видел» устье небольшой речушки, впадавшей в огромную реку, больше похожую на море, поскольку другого берега было не видно. Только вода и небо. А еще огромное воспаленное солнце, окунавшее свой лик в прохладные бездны великой

русской реки, на берегах которой он родился и где прошли его молодые годы. «Отныне так будет всегда, – поклялся перед самим собой молодой воевода Михаил Шеин, – во времена утрат и потерь я буду видеть себя юным и непорочным, аки ангел Господень, каким был много лет назад, когда стоял на лесном обрыве и смотрел на Волгу, будто паря над суетой бытия. Только это дает ощущение правды и прибавляет сил...»

От размышлений воеводу отвлек небольшой отряд всадников, отделившихся от кромки леса и направившихся к воротам крепости.

– К нам гости! – предупредил Шеин охрану.

– То господин голова станичной службы со станичниками, – ответил стрелецкий десятник по фамилии Скоромный.

– Так пропустите его, – распорядился воевода.

Спустившись к открытым воротам, Шеин сразу увидел то, что его просто взбесило. Станичники привезли связанного по рукам и ногам писаря Культяпого.

– Как такое понимать? – встретил он Безверхого недовольным тоном. – Без моего на то ведома и соизволения вы позволили себе самоуправство. Немедленно развязать писаря!..

– Обожди развязывать, – перебил Безверхий молодого начальника, бодро спрыгивая с коня. – Попался этот писаришка на гнусном предательстве. Он встречался с крымчаками и передавал им тайные сведения...

– Не верю! Об этом человеке у меня самые положитель-

НЫЕ ОТЗЫВЫ...

– А ваш батюшка, царствие ему небесное, больше доверял нам, станичникам. Помнится, под стенами Сокола... – хитро заговорил Безверхий.

– Что?.. Погоди... – остановил его воевода. – Ты знавал моего батюшку? Так ты Прохор... Не может быть! Прощка Безверхий! Тот самый ловкач и удалец из станичной службы! Ну как же. Про тебя мне наш слуга Ферапонт все уши прожужжал. Так это ты служил под началом моего батюшки в Соколе? У тебя должен быть его топорик...

– Было дело, да тому уж многие года миновали. Дослужился вот до чина станичного головы, о чем никогда и не мечтал... И то слава Богу! Кто не желает большой власти, на того не приходят и напасти. А топорик... Ах да, чекан! Он всегда при мне. Вот он, оберег воеводы Шеина. Теперь он твой, молодой воевода. Пусть будет у тебя, как память об отце.

– Нам есть о чем поговорить, – несказанно обрадовался Шеин, принимая бесценный для него дар.

– Поговорим. Отчего не поговорить? Только покрепче заприте Культияпого, да татарских гостей, что под видом купцов в крепость так и шастают, более не пускайте. А торговать они и в посаде могут, не велики птицы... Шпионы они все, одним словом!

* * *

...Главный хабаргири в тот же осенний вечер стал свидетелем того, как во Мценск прибыл большой отряд с четырьмя большими пушками.

– Я узнал человека, который ехал впереди отряда, – почтительно произнес Страшный Татарин.

– Кто он? – заинтересовался человек с черным пятном на лице.

– Это брат царя урусов Годуна по имени Семен. Он пользуется безграничным доверием своего родича царя Бориски и негласно руководит Тайным и Разбойным приказами.

– Я узнал все, что хотел, – удовлетворенно кивнул человек с черным пятном. – Мы можем возвращаться в ставку хана Казы-Гирея.

Глава 2. Нити заговора

Крымский хан Казы-Гирей наслаждался обществом полуобнаженных гурий из своего гарема с раннего утра до полудня. Потом, совершив омовение в зеленых искристых морских волнах, удобно улегся на песчаном берегу под покровом балдахина и, любуясь на свой Бахчисарайский дворец на возвышенности, вызвал главного хабаргири.

– Дарик, – расслабленно произнес хан, взирая на склонившегося в глубоком поклоне человека с черным пятном на щеке, – я готов слушать твои сказки. Ты же знаешь, что после войны и моих гибкотелых белоперсих гурий, больше всего в этом мире обмана и воровства я люблю твои сказки, которые очень напоминают мне истории из «Тысячи и одной ночи».

– На чем я остановился в прошлый раз? – спросил Дарик, располагаясь на ковре перед ложем Казы-Гирея, покуривавшего кальян.

– Ты поведал мне историю похождения сиятельного владыки Блистательной Порты – Турции, который получил большой пешкеш от неверных за то, чтобы уговорить некий верноподданный народ за морем на поход против урусов.

– Совершенно верно, мой господин, – улыбнулся Дарик. – И тот самый «пешкеш», очень правильно произнесенное вами слово по-персидски, или «бакшиш», как сказал бы я по-татарски, а в общем просто подарок, был настолько драго-

ценным, что сиятельный сразу же послал к правителю того верноподданного народа за морем своего визиря, который и посетил...

– Да, этот хитрый посланец был у меня вчера, – зевая, проговорил Казы-Гирей. – Он хотел, чтобы я собрал свою орду и напал на Москву...

– При этом сиятельный поручил передать тому правителю подарок в виде трех больших алмазов. А сам получил от иезуитов, как они в тайне себя называют, маленькую золотую корону, украшенную доброй сотней брильянтов и самоцветов.

– Каков хитрец!.. – привстав на подушках, хотел возмутиться хан, но сил на это после гурий и купания уже не осталось. – Мне это порождение ехидны и шакала передал всего один алмаз. Да и тот, ну очень маленький... Где этот шайтан в одеждах визиря?.. – Хан все же встал на ноги и в изнеможении потряс кулаком.

– Посол из Блистательной Порты уплыл на своей галере еще ночью, – ответил Кады-аскер, возглавлявший ханских телохранителей.

– Вот, пожалуйста! Кругом одни обманщики... – пожаловался Казы-Гирей своему хабаргири, снова падая на удобное ложе из ковров и подушек. – И что было дальше в твоей грустной сказке?

– А дальше, мой господин, в ханский дворец постучались два очень богатых купца. Точнее, купец был один, а другой

был его слуга. Они попросили соизволения предстать пред ясны очи великого хана...

– Ишь чего захотели? – ухмыльнулся Казы-Гирей. – Я и сам-то к себе не всегда могу попасть...

– И эти недостойные избрали самый быстрый путь, посетив сначала кое-кого из карача – татарской знати.

– Ох, уж эти мне карача! – вздохнул Казы-Гирей, переворачиваясь со спины на бок. – Когда-нибудь я этой карача сделаю карачун – смертную казнь.

– Так вот, главный купец по имени Болислав Спенсерка... – продолжал Дарик.

– Как ты сказал? Боль... Спен?.. – не понял хан. – Какое варварское прозвище!

– Второй же по имени Прозитино...

– Это я знаю! Это от латинского «прозит». Так неверные вскрикивают перед тем, как влить в себя запрещенные Аллахом зелья... Эй, принесите нам хмельной бузы, а то у меня и у моего Дарика пересохло в горле.

Выпив по глотку татарского пива, оба собеседника помолчали, собираясь с мыслями.

– И вот представители карача того заморского народа, – опять заговорил главный ханский разведчик, – получив подарки, отвели богатых гостей к главному телохранителю хана. Он, получив подарок, отвел гостей к юному калге – наследнику хана. Тот в свою очередь...

– Тоже получил подарок! – не выдержал хан. – Что за сказ-

ка? В ней все получают подарки. Одному бедному хану ничего не досталось. Так не годится. Эй, Кады-аскер!

– Слушаю, мой господин, – упав на колени перед ханом, сказал главный телохранитель.

– Тебе никогда не попасть в джанет – наш мусульманский рай, – медленно произнес хан, смакуя каждое слово, будто это были глотки прохладного шербета. – Получать подарки и не делиться со своим властелином – это большой грех. Либо ты прямо сейчас принесешь мне все, что получил от неверных, либо...

– Слушаю и повинуюсь! – Кады-аскер стал задом отползать от ханского ложа.

– Не спеши, – остановил его Казы-Гирей. – Это еще не все. Ты соберешь все подарки у карача и калги. Теперь можешь отползать, змей!

Выпив бузы и затянувшись дымком из кальяна, хан решил продолжать «дозволенные речи».

– И тогда хан соблаговолил принять этих недостойных купцов, – произнес главный разведчик.

– Да? Вот этого я не помню... – покачал головой хан.

– Они поднесли драгоценные дары – все, что оставалось в их переметных сумах...

– Вот это очень мудро с их стороны!

– И попросили хана о ничтожной услуге – страшно отомстить урусам за то, что те не позволили им торговать в городе Мценске и других малых и больших городах Московии.

– Интере-есно, – протянул хан. – Ты уверен, что они просили хана именно об этом?

– Уверен, мой господин.

– И что я ответил?

– Хан им отказал в этой просьбе, сказав, что в порубежных крепостях урусов скопилось слишком много воинов и пушек. Они только и ждут того момента, когда доблестные стрелки – тюфанджи и наемники-сейманы нападут на Московию. В результате мы с урусами сделаем друг другу карачун, а потом туда прискачут неверные из Ляхистана или Польши, как называют ту державу московиты, и будут владеть всеми землями и богатствами.

– Я так и сказал? Какой я мудрый! – почмокал хан в полном удовольствии. – А какие хитрые эти купцы! Так ты говоришь, хан отобрал у них все подарки, оставив им только собственную шкуру?

– Можно и так, – ухмыльнувшись, ответил Дарик. – Это очень подлые люди. Им нельзя верить. Когда они думают, что остались одни в своем гостевом шатре, то слуга по имени Прозитино начинает колотить своего хозяина по имени Болислав Спенсерка руками и ногами. При этом он гневно вопит, что отправит его «к чертям собачьим на костер», как только они возвратятся в свой монастырь.

– Ну вот! Я же говорил, что у них очень опасные имена. Одним словом псы, а у псов и повадки собачьи – так гласит старая персидская поговорка.

– Да, мой господин, как вы уже догадались, это были иезуиты...

В этот момент под балдахин на берегу моря заскочил взмыленный начальник телохранителей, за которым двое здоровяков тащили огромные мешки с ценностями.

– Это ты, Кады-аскер? Что ты можешь сказать в свое оправдание? Ты ведь прервал сказку Дарика на самом захватывающем месте...

– Я принес все дары неверных, только... – опять бухнулся на колени Кады-аскер.

– Что «только»? – грозно спросил Казы-Гирей.

– Только калга – ваш сын отказался отдать бакшиш в ваши милостивые руки. Он напомнил, что ему скоро исполняется десять лет. Хан обещал сделать ему дорогой подарок по такому случаю. Калга сказал, что хан может больше ничего не дарить. Пусть считает, что он уже сделал ему подарок, оставив купеческий бакшиш, в котором много всяких игрушек-безделушек из презренного желтого металла.

– Какой мудрый у меня растет наследник, – восхитился хан. – Пусть будет, как он хочет. А теперь отнеси эти мешки во дворец – я потом подробнее проверю подарки, оставшись в одиночестве. Да, и не забудь отобрать у «купцов» все, что у них осталось. Отнесешь все туда же. И смотри у меня, змей!..

...Когда воины хана покинули гостевой шатер, где ожидали визита к Казы-Гирею «купцы», забрав у них все, что могло представлять хоть какую-то ценность, иезуит Прози-

тино, рядившийся до того в одежды купеческого слуги, понял, что притворяться больше не имеет смысла, и устроил настоящее «аутодафе». Сначала он хорошенько избил «хозяина Спенсерку», а затем поджёг шатер. Позже, немного успокоившись, Прозитино сказал:

– Поскольку здесь наша миссия оказалась неудачной, мы отправляемся ко двору короля польского Сигизмунда. Там мы продолжим наше святое дело, которое благословил сам папа Римский. Я думаю, что поляков будет легче натравить на московитов. И еще мы должны будем посетить саму Москву, чтобы там помочь нашим единомышленникам в борьбе против царя Годунова. У нас для этого еще найдутся силы и средства...

Глава 3. Годунов – брат Годунова

Генрих-цапля постарел и облысел. Видно было, что двадцать шесть лет, прошедшие со времени гибели мастера Штольца, которому верно служили и сам Генрих и его более молодой приятель Толстый Фриц, даром не прошли. Теперь лысину Генриха постоянно украшал предмет грубых насмешек Толстого Фрица, которому было уже далеко за сорок, но он, несмотря на то, что стал еще толще, не утратил глупости – главной, как считал пятидесятилетний Генрих, положительной черты его скверного характера.

В порубежную крепость Мценск бывших подмастерьев Штольца привез ни кто-нибудь, а сам всемогущий Семен Годунов, которому двое германцев были представлены их соотечественниками, находившимися на русской службе, как «знатоки пушечного боя и мастера пушечного же наряда да зелья». Вот брат царя Бориса и взял их с собой в поездку по крепостям для того, чтобы Ганс-цапля и Толстый Фриц могли продемонстрировать свои изобретения в «условиях, близких к боевым».

И сам царь, и вся придворная знать полагали, что Семен Годунов занят важными разъездами с целью изучения возможностей порубежных крепостей по отражению нападений противника. И только сам Семен точно знал, куда и зачем он отправился. Ему нужна была одна-единственная крепость,

называвшаяся Мценск. Почему? Именно об этом и говорили между собой в день приезда протезе «великого брата невеликого царя» Генрих и Фриц, сидя в лучшей корчме Мценска, где они собирались столоваться и ночевать.

– Однажды я видел княжну, что покорила сердце нашего достойного покровителя, – говорил Толстый Фриц по-немецки, уплетая за обе щеки стерляжью ушицу и заедая ее пирогами с потрохами.

– И какова из себя та прелестница? – Лысый Генрих, которого теперь так называли гораздо чаще, задал этот вопрос только для того, чтобы поддержать разговор, поскольку «прелестный пол» уже давно не занимал его мыслей.

– Она чем-то напоминает твою Гретхен в молодости. Стан!.. Грудь!.. Маленькая головка, как у серой мышки... – не смог отыскать более красивых слов для описания внешности молоденькой симпатии Семена Годунова Толстый Фриц.

«Значит, стерва», – сразу догадался Лысый Генрих, тщательно пережевывая оставшимися зубами кусок ветчины.

– А кухня здесь очень приличная... Откуда что берется? Непонятная Русь... У них третий год неурожаи, крестьяне бедствуют и голодают. Говорят, всех кошек и собак на мясо пустили... А здесь ешь – не хочу! – произнес он вслух.

– Это да-а, – довольным тоном протянул Толстый Фриц, почесывая набитый под завязку живот под кафтаном. – Наверное, хозяин этого заведения специально приготовился к визиту нашего русского хозяина. Все же брат царя! Но княж-

на... Она такая!.. А наш уважаемый русский хозяин такой...

– Тут ты, конечно, прав, – с полуслова понял своего приятеля Генрих. – Наш русский хозяин красотой и статью не вышел, тут слов нет. А вот местный воевода, которого зовут Михаил Шеин, просто красавчик по сравнению с ним. А Семен Годунов кособок да кривоног... А лицо у него все в бороде, только одни глаза из-за волосьев выпучены. Одно слово черт, не к обеду будь сказано...

– Я слышал, что княжна проживает где-то рядом с Мценском. Точнее у ее отца где-то здесь родовое поместье. Тут они живут летом, а на зиму уезжают в Москву...

– Точно, – подтвердил Генрих, запивая съеденное добрым глотком пива. – Зимой семейство проводит в стольном граде Москве, у них там дом в Замоскворечье. Наверное, Семен решил покрасоваться перед княжной, а заодно проводить ее до Москвы, чтобы никто не украл.

– Да, у Годунова сильная охрана, а здесь, в России, это необходимая мера безопасности, – подняв вверх жирный палец, наставительно произнес Фриц. – Тут же кругом одни разбойники. Помнишь, как в наш прошлый приезд в Россию, когда еще был жив мастер Штольц, мы попали в скверную историю, связанную с разбойниками?..

– Нет, это было уже после гибели мастера у стен крепости Сокол. А разбойников навел на нас проклятый кабатчик Кузька Огороков. Он пообещал привезти нас к кабаку «Осетровый бок» в городе Соколово, а сам, сволочь, обма-

нул.

– Как же! Нас тогда обобрали до нитки. Хорошо, что живыми выпустили! – От грустных воспоминаний о былом у Толстого Фрица даже слезы на глазах навернулись.

– Мы с тобой так и не смогли найти «камень огня», который спрятал где-то в Соколове отец мастера Штольца. Если бы этот камень попал в наши руки, мы бы сотворили такую адскую смесь, что о нас узнали бы во всех царствах-государствах. Государи этих стран в очередь бы к нам записывались, чтобы заполучить в свои пушечные погреба наше зелье. Тогда, дорогой друг, мы бы купались в золоте и славе. Но увы! Проклятый кабатчик! Хорошо, что он околел...

– Да, эта свинья Огороков на радостях, что сумел заманить нас в разбойничье логово, так нажрался, что его хватил удар. Он получил достойное наказание за свои гнусные делишки, – сказал Толстый Фриц.

– Вернулись в фатерлянд мы с тобой с пустыми карманами. Даже одежды хорошей не имели. Поэтому бургомистр твоего родного городка так и не выдал за тебя свою красавицу дочь.

– И не говори! – тяжело вздохнул Фриц. – Это стало самой большой трагедией в моей личной жизни...

– Остался ты холостяком. Одинокий неухоженный Фриц!.. Но в этом, знаешь ли, есть свои несомненные преимущества...

– И одно из них, что любимая женушка не принесет в по-

доле очередного «птенчика» пока мужа нет дома. Хре-хре-хре! – залился противным хрюкающим смехом Фриц, от чего его брюхо заходило ходуном, будто хотело извергнуть наружу все, что он съел и выпил за свою жизнь.

– Ну и дурак же ты, Фриц! – поморщился Генрих. – У меня двенадцать детей, и всех их я люблю, как родных...

– Правда, большинство из них очень похожи на твоего соседа ювелира Блюменталья, у них такие же носы крючком и черные кудрявые волосики... Хре-хре-хре!

– Ничего, – пообещал Лысый Генрих, – когда мы отыщем «камень огня» и заработаем кучу денег, я, так и быть, отдам за тебя замуж одну из своих славных дочурок, у которой очаровательный носик крючком... Уж она-то сделает из тебя стройного господина. Будешь поститься каждый божий день...

Это предложение заставило Толстого Фрица заткнуться и надолго задуматься о своем ужасном будущем.

– Ладно, дорогой друг, – наконец выдавил он из себя, – бери свой чертов парик, который съехал тебе на нос, и пошли дрыхнуть. Утром нас ждут великие дела. Мы покажем нашему русскому господину, что значит хороший пушечный выстрел!

Утром Лысый Генрих поднял напарника ни свет ни заря.

– Поднимайся, соня, – сказал он. – А то проспишь самое важное. Русские пушкари уже установили наши орудия на крепостной стене и навели их на цель. Осталось только за-

бить в дула наши тайные заряды и от цели не останется ничего...

– Что за цель? – быстро одеваясь, спросил Толстый Фриц.

– Какие-то грязные сараи, расположенные недалеко от дороги, ведущей к крепостным воротам.

– Чудесно. Сейчас мы в них попадем, – пообещал Толстый Фриц, не попадая ногой в штанину.

На стенах крепости в ожидании «необычайной пушечной пальбы» уже собралось довольно много зрителей, среди которых преобладали местные жители и служилые люди из стрелецкого пятисотенного войска, составлявшего гарнизон Мценска.

На башне, с которой был самый хороший обзор окрестностей, разместился Семен Годунов и его приближенные. Все они заждались невиданного зрелища и выражали явное нетерпение тем, что то и дело гоняли посыльных, чтобы те передали указания ускорить начало стрельб.

Даже сам воевода Шеин спустился с башни вниз и подгонял орудейную прислугу, таскавшую тяжелые заряды к пушкам.

Наконец все было готово, и Годунов махнул белым платком с башни. Залп из четырех орудий, раздавшийся после этого, сначала только оглушил зрителей, а уж потом заставил их чихать и кашлять от едкого удушливого дыма, закрывшего весь обзор. Когда же ядовитый дым немного рассеялся, то Семен Годунов с башни, а затем и воевода Шеин с крепост-

ной стены одновременно разглядели ужасающие результаты выстрелов, разрушивших сараи до основания. Но это было не самое главное. Одна из пушек, в которой оказался чересчур большой заряд, забросило ядро далеко за посад, угодившее в одну из тяжело груженных повозок, тащившихся в этот момент по дороге. От повозки, разумеется, ничего не осталось, но это было бы еще полбеды. Гораздо большее несчастье произошло с каретой хозяина этих повозок. Шестерка лошадей, запряженных в карету цугом, перепугалась от выстрелов и стремительно понесла к видневшейся вдали ленте реки.

Первым понял о смертельной опасности, угрожавшей хозяевам кареты, воевода Шеин. Он, со свойственной ему решительностью, вскочил на коня, подведенного под уздцы слугой, и помчался наперерез взбесившейся шестерке лошадей. Догнал их он через несколько минут, но эти минуты растянулись для хозяев кареты на мучительно долгие часы, когда они ожидали неминуемой гибели.

Поравнявшись с первой парой лошадей, воевода ловко сиганул со спины своего скакуна на пегую лошадку из упряжки. Мгновение-другое и вся упряжка, подчиняясь властной руке умелого наездника, отвернула от опасного речного обрыва в сторону, не доехав какие-то считанные сажени. Затем лошади и вовсе встали, тяжело поводя боками и нервно всхрапывая.

Соскочив с чужой лошади, воевода Шеин заспешил к ка-

рете, из которой ни живы ни мертвы медленно выбирались хозяева – видный мужчина в годах и совсем еще юная девушка с ангельским личиком.

«Да это же князь Мстиславский! – узнал в пострадавшем видного царского сановника и военачальника Шеин. – А это, скорее всего, его дочь Варвара. А ведь хороша! Таких больших прекрасных глаз я во веки не видывал...»

И действительно, княжна Варвара, несмотря на бледность от недавнего испуга, выглядела прелестно. Да и какая уважающая себя барышня не почувствует себя совсем хорошо, когда на нее смотрит влюбленным взглядом «принц из ее сновидений», ни больше ни меньше.

– Батюшка, – томно спросила она у отца, – это и есть наш спаситель? Без него нам пришлось бы очень плохо, правда?

– Я князь Мстиславский, – горделиво произнес отец Варвары, стараясь незаметно прикрыть порванный камзол на самом видном месте. – Как ваше имя, доблестный герой?

– Михаил Шеин – воевода Мценска, – представился «принц», отвесив уважительный поклон.

– Доблестное имя! Счастлив буду видеть вас в моем московском доме. Я никогда не забываю тех, кто помог мне или членам моей семьи. Будьте надежны! А кто же это осмелился стрелять по нам из пушек? – нахмурился князь, но тут же его лицо расплылось в почтительной улыбке. Он увидел подъезжавших всадников и в переднем узнал всемогущего брата царя Годунова. – Какая неожиданная встреча! – сказал

он, кланяясь Годунову, который даже не соизволил слезть с коня.

– Князь Мстиславский! – воскликнул Годунов, хитро прищурившись. – Как это вы здесь оказались? Вдали от царского двора...

– У меня здесь, извольте видеть, поместье, – пояснил князь. – Мы как раз переезжаем в Москву...

– Чудесно, чудесно, – хмурясь, пропустил слова князя мимо ушей брат царя, обративший внимание на то, какими нежными взглядами одаривали друг друга княжна Варвара и воевода Шеин. – Главное, что никто не пострадал. А я готов отвезти вас и вашу дочь прямо в Москву. Все свои дела в Мценске я закончил...

– Буду чрезвычайно признателен за вашу любезность, – отвесив поклон, сказал князь.

– Тогда в путь! – приказал брат царя, махнув рукой в сторону Москвы. – Нам туда, а вам, воевода Шеин, сюда! – При этом он указал на крепостные стены.

Молодой воевода еще долго стоял у реки, словно пригвожденный к месту, глядя в ту сторону, где скрылась за клубами дорожной пыли кавалькада, увозившая самое теперь дорогое для него существо на свете – Варвару Мстиславскую.

Глава 4. Дорога на Добрыничи

То было каким-то наваждением. Образ княжны Варвары больше не покидал воеводу Шеина ни днем ни ночью. В мечтах своих Михаил видел смеющуюся княжну в белых нарядах, кружащейся в центре хоровода простых деревенских девушек, державших в руках венки из подснежников и почему-то ромашек. Оказаться в венках вместе эти цветы могли только в ушибленном воображении влюбленного. А еще слышал воевода в ночную пору перезвон колоколов и никак не мог разобрать – благовест это или набат...

Аккурат на Рождество Христово главный воевода Мценска заполучил царскую грамоту, доставленную важным чином из стольного града Москвы, что само по себе заявляло о значительной ценности послания. И действительно, в грамоте черным по белому предписывалось воеводе Мценска, собрав ратников в городе и окрестностях, незамедлительно двигаться на соединение с московским войском, которым командовали князья Федор Мстиславский и Василий Шуйский. Ратникам полагалось следовать через Орел и Брянск к селению Добрыничи, перекрыв дорогу от Севска.

«Значит, решился все же царь-государь на достойный отпор супостату Гришке Отрепьеву, – подумалось Шеину. – Стало быть, не зря станичный голова Безверхий еще раньше отправился к Добрыничам со своими людьми, сказав секрет-

но, что должен пополнить сторожевой полк в тех краях. Чую, быть большому сражению!»

Придаваться любовным мечтаниям больше у воеводы не было никакой возможности. Собрав в скорости небольшую рать и снабдив ее необходимыми припасами, двинулся он на соединение с московским войском, посланным Борисом Годуновым, чтобы заступить врагу дорогу на Москву еще на дальних подступах.

Заметенные снегами российские пути-дороги! На них особенно хорошо думается, когда лежишь в санях, укрытый по самые глаза овчинным тулупом. Вот и воеводе Шеину припомнились в дороге все события, предшествовавшие походу Лжедмитрия Первого на Москву.

В 1591 году с божьей милостью отбились москвитяне от набега крымчаков хана Казы-Гирея, и это было последнее появление татар возле Москвы. Потом пять лет воевали со шведами, вернув России Ивангород, Капорье и некоторые другие города, захваченные врагами в ходе Ливонской войны.

Средний сын Ивана Грозного – Федор Иванович, прозванный в народе Блаженным, скончался в 1598 году. Однако от самостоятельного правления был отлучен на одиннадцать лет раньше, уступив место на троне пронырливому брату своей жены Ирины – боярину Борису Годунову.

А через два года после успения Федора Блаженного отправилась в мир иной единственная малолетняя царевна от Фе-

дора Иоанновича и Ирины Годуновой, имя которой была Феодосия. Младший же сын Грозного Дмитрий «убился» или, что вернее, был убит еще 15 мая 1591 года. Но тогда Борису Годунову удалось убедить с помощью дознаний князя Шуйского боярскую знать в том, что Дмитрий, страдавший «падучей», сам случайно напоролся на нож... Да только народ в своем громадном большинстве этим байкам не верил и потому с гораздо большим доверием относился к слухам о том, что Дмитрий спасся, бежал к полякам и теперь возвращается в Кремль, чтобы занять по праву рода принадлежавший ему трон московских царей. Потому-то и удалось небольшому отряду, собранному польским магнатом князем Адамом Вишневецким и воеводой Сандомира Юрием Мнишеком с благословения папских легатов-иезуитов и короля Речи Посполитой Сигизмунда Третьего, довольно быстро «обрасти» казаками да всякого рода разбойниками. Именно для этого, как думалось воеводе Шеину, Лжедмитрий и повел свои силы на Москву не кратчайшим путем через Смоленск, а кружным – через Чернигов да Новгород-Северский, чтобы собрать побольше сил, отложившихся от годуновской Московии. А теперь он шел прямо на Москву от Севска...

Но все это было несколько позже, а еще раньше Господь Бог покарал Русь за грехи трехлетним неурожаем и массовыми эпидемиями. В одной Москве, как совершенно доподлинно знал Михаил Шеин, на трех кладбищах в эти годы было захоронено до ста двадцати семи тысяч человек. И это

только в стольном граде! Что же творилось в других городах и весях?..

И полыхнули мятежи да бунты, наибольшими из которых, пожалуй, стали выступления атамана Хлопка Косолапа, державшего в страхе целых два года все центральные уезды. Только-только справились с Косолапом в 1604-м, а тут и поход Лжедмитрия подоспел...

Из той же царской грамоты знал Шеин про то, что Лжедмитрий – это Юрий Богданович Отрепьев, сын небогатого галичского дворянина. Юрий находился на службе у боярина Федора Никитовича Романова, но после его опалы и ссылки постригся в монахи под именем Григория. Какое-то время Григорий Отрепьев проживал в московском Чудовом монастыре при патриархе Иове. Скорее всего, тогда и возникла у него идея «венчаться на царство» под именем царевича Дмитрия. Почему бы и нет?..

В холодный метельный январский день прибыл в ставку московского войска воевода Шеин, еще издали, на подъезде, за приметивший дымы от многочисленных костров, разведенных прямо в чистом поле у селения Добрыничи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.